

ВОЕННАЯ

БИБЛИОТЕКА

ШКОЛЬНИКА

*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ДЕТСКАЯ

ЛИТЕРАТУРА»

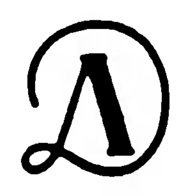

Борис Полевой

ПОЛКОВОДЕЦ

Борис Полевой

ПОЛКОВОДЕЦ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

Р2
П49

Повесть известного советского писателя Бориса Полевого (1908—1981) воскрешает яркие страницы жизни выдающегося советского полководца, Маршала Советского Союза Ивана Степановича Конева. Активный участник гражданской, герой Великой Отечественной войны, талантливый командующий ряда фронтов — таким предстает перед читателями маршал Конев.

Автор не ставил перед собой задачи в небольшой повести широко осветить все стороны жизни и деятельности И. С. Конева, но личные наблюдения, фронтовые заметки, встречи и беседы в мирные послевоенные годы — все это помогло Б. Н. Полевому создать запоминающийся образ видного советского полководца.

Оформление
В. ТЕРЕЩЕНКО

П $\frac{4803010102-066}{М101(03)82}$ 252—82

© Оформление.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЯМ

Светлой памяти
Ивана Степановича Конева

Автор

В дни войны я был военным корреспондентом газеты «Правда». Большая часть моей корреспондентской службы прошла на фронтах, которыми командовал один из выдающихся советских полководцев — Иван Степанович Конев. Мудрый и отзывчивый человек, понимавший значение печати, он по мере возможности оказывал нам, журналистам, всяческую помощь.

Все четыре военных года я вел дневники. Записывал беседы с героями фронта и тыла, стараясь по свежим следам событий хотя бы коротко запечатлеть на бумаге увиденное. Естественно, что в моих дневниках осталось немало заметок о встречах и беседах с нашим командующим, о проведенных им операциях, о его замыслах и свершениях, записей, сделанных на длинном боевом пути от моих родных верхневолжских мест до Берлина и Праги.

Еще на фронте родилась у меня мысль написать очерк об Иване Степановиче, жизнь и деятельность которого казались мне интересными и значительными. Он решительно отказался помогать мне в этом, однако пообещал: «Вот возьмем Берлин, тогда другое дело, тогда я и моя память к вашим услугам».

Был взят Берлин, освобождена Прага, и я напомнил маршалу его обещание. Мы подолгу беседовали с ним о только что

отшумевшей войне, о событиях, давно и недавно минувших. А много лет спустя мы оказались в одном подмосковном санатории и, так как в течение месяца Иван Степанович был в состоянии вынужденного санаторного безделья, я смог освежить в памяти старые записи и узнать подробности жизненного пути этого во всех отношениях выдающегося человека. Так родилась книга «Полководец», которую я назвал биографической повестью.

Буду рад, если эта моя скромная работа позволит читателям, и в особенности молодым людям, для которых Великая Отечественная война уже история, представить себе колоритную фигуру одного из видных советских полководцев — Ивана Степановича Конева, пожалуй, самого интересного человека из всех, с какими когда-либо сводила меня репортерская судьба.

ИНТЕРВЬЮ НА ПРАЖСКОЙ ПЛОЩАДИ

Это случилось в Праге весной 1945 года. В парке у подножия Града буйно цвела черемуха. Нежная зелень лип обрамляла улицы, площади. Баррикады — эти свидетельства вооруженного антигитлеровского восстания, которое, ожидая Красную Армию, подняли пражане, были уже разобраны, воронки на мостовых засыпаны, бумажные полоски с оконных стекол смыты. Но на темных стенах старинных зданий еще белели следы осколков и пуль, а на тротуарах не завяли цветы, которые жители клали на те места, где в недавнем сражении погиб советский солдат или пражский повстанец.

В тот день в торжественной обстановке в присутствии тысяч людей благодарная столица Чехословацкой Республики присваивала Маршалу Советского Союза Ивану Степановичу Коневу звание почетного гражданина Праги.

По давнему обычаю, в честь этого события на стене ратуши полагалось прикрепить бронзовую доску. Ратуша на Староместской площади была разрушена, ее сожгли эсэсовцы во время уличных боев. Черные руины еще источали запах гари. Но на левом крыле руин сохранился кусок стены. Вот к нему-то и привинтили доску, до поры до времени завесив ее полотном.

Торжественный акт вылился во внушительную радостную демонстрацию благодарности Красной Армии, советскому народу. В толпе на площади находилось много иностранных, глав-

ным образом западных, корреспондентов. Плотным кольцом обступили они маршала. Пресс-конференция планом торжеств не была предусмотрена. Но Иван Степанович Конев согласился побеседовать с журналистами.

Со стороны наших западных коллег посыпались странные вопросы:

— Господин маршал, правда ли, что вы были кадровым офицером старой русской армии?

— Вы участвовали в известном прорыве генерала Брусилова? В каком звании? Чем вы тогда командовали?

— В каком царском военном училище вы получили специальное образование?

— Кем был ваш отец? Как велики были его поместья?

И наконец:

— Чем вы, господин маршал, объясняете столь убедительные успехи ваших войск, в особенности в последний год войны?

Мы, советские военные корреспонденты, оказавшиеся участниками стихийно возникшей пресс-конференции, знали подоплеку этих весьма странных и даже нелепых на первый взгляд вопросов. Несмотря на то что биографии наших полководцев были известны, на Западе появилась легенда, что наиболее выдающиеся из них, столь убедительно доказавшие превосходство над гитлеровским генералитетом рейхсверовской школы, считавшимся лучшим на Западе, будто бы получили образование в царских академиях, что сами они — выходцы из привилегированных классов, чуть ли не аристократического происхождения.

И вот теперь мы с интересом смотрели на маршала. Как он ответит? Рассердится? Высмеет? Пошлет ко всем чертям? Мне доводилось наблюдать его круглое, истинно русское лицо в минуты интенсивного артиллерийского обстрела. Оно всегда оставалось спокойным. Спокойным было оно и сейчас. И только где-то в его голубых глазах угадывалась усмешка.

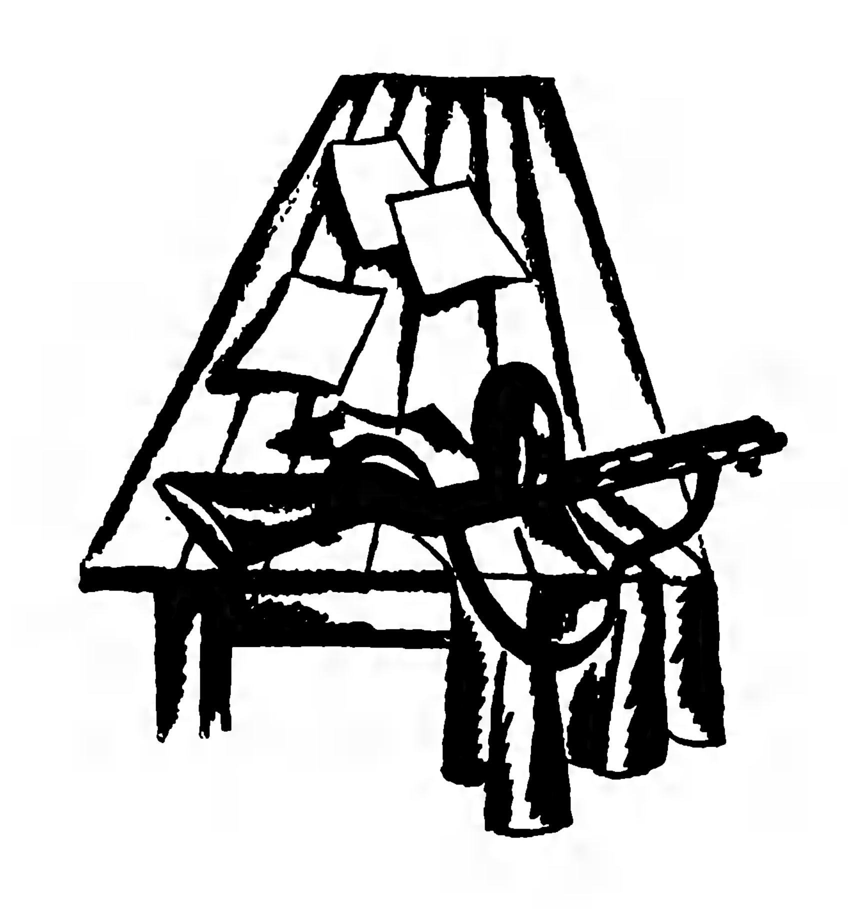
— Позвольте мне, господа, ответить на все ваши вопросы сразу. Боюсь, что я вас разочарую. Я сын бедного крестьянина и принадлежу к тому поколению русских людей, которые встретили Октябрьскую революцию в свои молодые годы и навсегда связали с ней свою судьбу. Военное образование у меня наше, советское, а следовательно, неплохое. Успехи фронтов, которыми мне посчастливилось командовать, неотделимы от общих успехов Красной Армии. А эти ее успехи я объясняю, в свою очередь,

тем, что мы, советские люди, идя через нечеловеческие испытания и трудности, познали ни с чем не сравнимое счастье бороться за дело Ленина, беззаветно служить социалистической Родине и Коммунистической партии... Мы, советские труженики в солдатских шинелях, всеми своими помыслами связаны со своим народом, живем его жизнью, боремся за наши идеи.— Маршал помолчал, давая возможность журналистам записать его слова,— необычная пресс-конференция шла по всем правилам,— а в заключение сказал: — В этом наша сила. Была. Есть. И будет.

Пока журналисты заканчивали записи, маршал оказался в открытой машине рядом со своим боевым другом, генералом чехословацкой армии Людвиком Свободой, являвшимся тогда министром Национальной обороны республики. Сопровождаемая дружными приветственными криками, машина осторожно двинулась, пролагая путь сквозь расступающиеся толпы.

Мне показалось, что наши западные коллеги остались тогда недовольны краткостью ответов маршала. Но мы, советские репортеры, и в особенности военные корреспонденты, по достоинству оценили искренность и точность этих ответов.

Действительно, жизнь Конева, удивительная по своей насыщенности событиями и делами необыкновенными, в то же время типична для человека, вышедшего из самой гущи своего народа, воспитанного партией, поднятого ею на вершины руководящей деятельности. Неразрывно в течение многих десятилетий связанная с Советской Армией, она, эта его жизнь, в какой-то степени является и биографией Советских Вооруженных Сил, отражает их становление, развитие и торжество.

ДАВНЯЯ ЗАДУМКА

В тот день, передав в Москву по военному телеграфу корреспонденцию о том, что произошло на Староместской площади, я долго не мог уснуть. Из ликующей Праги, еще переживающей радость своего освобождения, память переносила меня в трагический 1941 год, в родные верхневолжские края, в маленькую избу утопавшей в сугробах деревушки, в которой размещался в те дни штаб командующего Калининским фронтом генерал-полковника И. С. Конева.

Только что завершилось освобождение моего родного города Калинина, и я, имея задание взять у командующего статью о проведенной операции, вернулся в штаб фронта.

Я знал, что все эти дни командующий в штабной деревне не появлялся. Он находился в войсках. Вместе с ним были связисты, давая ему возможность оттуда, с наблюдательных пунктов армий и дивизий, координировать действия войск и направлять ход наступления. Знал я и о том, что в эти дни вряд ли ему удалось хоть раз выспаться. Знал, и потому мало у меня было веры в то, что получу от него статью, да еще в послезавтрашний номер, как предписывало редакционное задание.

Но мне повезло: помог член Военного совета корпусной комиссар Д. С. Леонов. Свидание с маршалом было назначено... на 4 часа утра.

— Может быть, сделать предварительную заготовку, проект

статьи, чтобы... Ну, чтобы не отрывать у командующего много времени,— предложил я.

— Никаких проектов и заготовок, если не хотите, чтобы он выставил вас вон,— предупредил член Военного совета.— С одним из ваших коллег, пожелавшим таким образом «облегчить» труд автора, такое уже случилось. От вас требуется только приготовить бумагу и очинить карандаш — диктовать будет. Он, между прочим, хорошо диктует...

И вот теперь в городе, отстоящем бесконечно далеко от той верхневолжской деревни, я вспоминал, как диктовалась эта статья, посвященная разгрому нацистских дивизий на правом фланге нашего грандиозного зимнего наступления. Мягко ступая в фетровых бурках по скрипучим половицам, генерал четко и точно выстраивал слова скупой, лаконичной статьи. Иногда останавливался, чтобы поискать наиболее выразительный синоним, но сердито пресекал любую попытку помочь ему, подсказать готовую фразу. Стараясь облечь мысль в самые скупые слова, он резко отстранял красочные эпитеты, превосходные степени и восклицательные знаки.

И в то же время в сухом языке статьи, похожем на язык боевого донесения, несомненно была своя образность. Рисуя картину наступления фронта, командующий зримо показывал, как дивизии армий генерала Юшкевича с юго-востока и генерала Масленникова с северо-запада во встречном движении взяли город Калинин в клещи, как эти клещи, укрепляемые новыми вводимыми в бой частями, к 15 декабря почти сомкнулись.

— «Мы, по существу, выдавили дивизии противника из города...» — продиктовал генерал, но тут же спохватился: — Нет-нет, вычеркнуть «выдавили», несерьезно. Пишите так: «К концу 15 декабря кольцо войск вокруг Калинина почти сомкнулось, враг почувствовал угрозу окружения и начал в панике бежать, бросая орудия, боевую технику...» Написали? Так...

Задумывается. Потом, как нечто уже выношенное, проверенное на практике, добавляет:

— «Борьба за Калинин еще раз подтверждает боязнь немцев окружения: при первой серьезной угрозе окружения они начинают панически метаться и беспорядочно бежать. Отсюда мы можем сделать вывод, что смелые действия наших войск по флангам и тылам противника должны повсеместно применяться как весьма эффективный способ истребления живой силы».

— Это интересная мысль. И очень полезная. Может быть, стоит ее развить, сказать об этом поподробнее?

— Теоретизировать будем после войны,— обрывает он.— Записывайте концовку: «После двухмесячного перерыва советский флаг снова развевается над старым русским городом Калинином. Наши войска продолжают преследовать отступающего противника...» Успеваете записывать?

— Товарищ командующий, такая победа! Может быть, в конце что-нибудь поярче, позвучнее?

— Наоборот, необходимо только спокойствие. Спокойствие и уверенность.

Пока перепечатывали статью, Иван Степанович говорил по телефону с командармами, выслушивал доклады офицеров оперативной службы, на основе донесений сам наносил на свою карту все новое, что происходило на фронте,— словом, продолжал работать. Я сидел возле печки-времянки и смотрел, как веселый огонь с жадностью пожирает сухие сосновые поленца и как искры гуляют по покрасневшей трубе, смотрел и раздумывал о только что одержанной войсками фронта победе в моем родном Калинине — первом областном городе, вырванном у врага в этом грозном наступлении. И еще думал о нашем командующем, в сущности еще довольно молодом человеке, так умело руководившем огромной массой войск. Всего 44 года! И такой опыт!..

— Красивая штука — огонь,— раздался у меня за спиной голос Конева.— Недаром ему в древности поклонялись. Я в первую мировую войну фейерверкером служил в орудийном расчете. Не было у нас больше радости, чем погреться у костра... Максим Горький, говорят, костры жечь любил. Это верно? Даже в пепельницах зажигал. Так?

Командующий присел на корточки, стал железным прутом шуровать в печи уголь. Лицо его как бы размягчилось, голубые глаза смотрели задумчиво. Вот тут-то я и решил изложить ему только что пришедшую в голову идею.

— В связи с освобождением Калинина мне захотелось написать очерк о вас. Поможете?

Командующий резко встал. Лицо снова стало твердым.

— Чепуха. Великие подвиги, о которых надо писать, совершают люди, сами идущие в атаку. А вы — очерк о Коневе! Кому он, этот очерк, сейчас нужен? О генералах, товарищ батальонный комиссар, уместно будет писать после войны, когда Красная Армия Берлин возьмет. Не раньше.— Посмотрел на карту

Европы, висевшую на стене.— А Берлин, вон он еще где. До Берлина нам с вами далековато.

— Ну, а после того, как... возьмем Берлин?

— Тогда пожалуйста,— скупо улыбнулся командующий.— Тогда и беритесь за нашего брата. Тогда я к вашим услугам, если, конечно, к той поре мы с вами живы останемся.

И вот теперь в Праге вспомнился мне этот давний разговор. Тут, в столице Чехословакии, Конев красиво дописал страницы своей богатой боевой биографии. Не пришло ли время напомнить ему данное им когда-то обещание?

ДЕТСТВО МАРШАЛА

Штаб маршала Конева в финале войны и в первые послевоенные дни находился в Южной Саксонии, в каком-то замке, вписанном в яркую весеннюю зелень старого парка. Отделы штаба разместились в комнатах, обитых старинным шелком, и офицеры работали, сидя на золоченых стульях с гнутыми ножками. Сам командующий со свойственной ему солдатской неприхотливостью обосновался в маленьком домике садовника, где ничего помпезного, конечно, не было.

Тут я и застал его на веранде. За чаем. В первый раз за годы знакомства увидел я нашего командующего в домашней одежде, в тапочках. И, удивленный его новым обликом, по-видимому, не сумел этого скрыть.

— Что, непохож на себя? — усмехнулся он.— Да, и наш брат не всегда на все пуговицы застегивается. Садитесь, попьем чайку. Самое российское занятие. В детстве бывала самая большая радость в семье, когда на столе поет самовар. Я ведь и сейчас самовар люблю. Только вот затерялся где-то мой при переездах. Вам как, покрепче? С сахаром?

Я напомнил о его обещании. Конев снова усмехнулся:

— А вы памятливы. Ну что ж, как в народе говорят: не дал слова — крепись, дал — держись. От своего обещания не отступают.

— Тем более, что теперь рассказать вашу биографию нужно уже и из политических соображений,— сказал я, вспоминая о вчерашней пресс-конференции.— А то вон какие вопросы задавали вам иностранные корреспонденты в Праге.

— И это верно. Смешные, однако, и не простые вопросы. Уж

очень им всем не хочется признавать, что хваленых немецких генералов опрокинули и разбили в войне рабочие и крестьяне... Бумага у вас есть? Сегодня я себе выходной сделал. Первый выходной с начала войны.

И тем же твердым голосом, каким четыре с половиной года назад диктовал свою статью в занесенной снегом избушке, он начал:

— «Родился я в деревне Лодейно[1] на Вологодчине 28 декабря 1897 года в семье крестьянина-бедняка. Деревня наша была большая, лежала на большаке, ведущем из Котельнича в город Великий Устюг. По этому большаку непрерывно в оба конца, в особенности зимой, ходили длинные обозы с хлебом в глубь страны и с водкой для всех казенок в обратную сторону. Вот этот оживленный тракт в значительной степени и определял жизнь нашей деревни...»

Он диктовал четко, страницу за страницей. И, поражаясь его памятливости, я легко рисовал себе картины того уже далекого прошлого. Дореволюционная вологодская деревня, высокие дома с подклетьями, рубленные из толстенных бревен. Колодезные журавли. Корыта для пойки лошадей и коновязи чуть ли не под каждым окном. Это для проезжавших подводчиков, останавливавшихся на ночлег или постой. И леса — густые, вековечные вологодские леса, где в ту пору только еще начинали по-настоящему стучать топоры.

Матери Иван Конев не помнил. Она умерла при родах. И рос он на попечении сестры отца, тетки Клавдии, пожертвовавшей своей личной жизнью для воспитания племянника и младшего брата, тоже сироты, Григория. Этот дядюшка Григорий и по годам и по повадкам мало отличался от племянника: вместе играли, вместе ходили по грибы, ягоды, вместе ловили пескарей в речушке Пушма, вместе «откалывали» разные озорные штуки. Однажды Григорий пообещал Ивану научить его летать. Он спустил племянника на полотенце из окна. Избы в тех краях высокие, и Иван завис «между небом и землей», а когда полотенце вырвалось из рук дядюшки, упал и довольно сильно ушибся. Впрочем, отцу было сказано, что синяки и царапины получил, выгоняя из огорода чужого козла.

С шести лет Иван приучился помогать по хозяйству. В страдную пору, когда все взрослые уходили на сенокос или на полевые работы, его оставляли домовничать, снабдив краюхой хлеба,

[1] Ныне Подосиновского района, Кировской области.

кринкой молока и наказав караулить дом. Он мел полы, присматривал за курами, кормил их, носил свиньям пойло...

Дом Коневых, как говорят на Вологодчине, стоял на юру, на бойком месте. В нем постоянно останавливались подводчики. Иногда в горнице размещали приказчиков, приезжавших от лесоторговцев. Ивану приходилось ставить для них самовар, бегать в лавочку за баранками, за махоркой, выполнять мелкие поручения. Приказчики эти — народ бывалый, много видавший, любящий побаловаться водочкой, а под хмельком и развязать языки. Мальчик с интересом прислушивался к их беседам, рассказам, побасенкам и, вероятно, поэтому всегда казался старше своих лет.

Подростком взялся Иван и за настоящую работу, стал помогать отцу вывозить с лесосек бревна. Зимний лесоповал — нелегкое мужское дело. Огромные сосны надо подрубить, спилить, свалить в нужную сторону, ошкурить, поднять на сани и отвезти к речке Пушма...

— Работа, конечно, не для мальчика,— говорю я.

— Не для мальчика, что верно, то верно,— подтверждает маршал.— Однако работа научила нас многому. Так, благодаря колу и ваге, которыми мы поднимали и перехватывали бревна,— улыбается он,— я понял, что такое рычаг первого рода, задолго до того, как узнал о нем в школе на уроке физики.

С большой теплотой вспоминает маршал сельскую трехклассную школу, куда он пошел вместе со своим дядюшкой Григорием, будучи на год моложе остальных своих однокашников. Преподавал там немолодой уже учитель. Он любил детей, понимал их, имел подход к каждому. Человек был, по-видимому, незаурядный. На уроках умел увлечь весь класс. Особенно преуспевал Иван в чтении. После первого класса соседи уже заставляли его читать письма, а то и старые газеты, которые завозил в глушь из города какой-нибудь подводчик.

В эти годы Иван привязался к сельскому кузнецу Артамонову. Его все в деревне — и взрослые и дети — звали Алешей. Был он ярославским рабочим с фабрики Корзинкина. За неблагонадежность полиция выслала его из города, как говорится, по месту жительства, в деревню Лодейно, и он стал соседом Коневых. В свободные часы Иван постоянно торчал в кузнице. Смотрел, как Алеша кует лошадей, ошиновывает колеса, наблюдал, как под точными ударами молотка раскаленное до вишневого цвета железо приобретает форму подковы или какого-нибудь нехитрого, нужного в хозяйстве инструмента. Иногда

кузнец разрешал любопытствующему мальцу покрутить колесо мехов, подержать оправку, а когда наступал перекур, рассказывал всякую бывальщину. Особенно любил Иван его рассказы из русской истории — о князе Игоре, о боевых походах Ивана Грозного, о Петре Великом, которым сельский кузнец особенно восхищался не только за его полководческие качества, но прежде всего за мастерство в ремеслах.

Был у Коневых еще сосед — тоже Алексей, старый уже человек. Односельчане прозвали его Алешка-турка. Прозвали так потому, что отслужил он двадцать пять лет в царской армии и участвовал в войне с Турцией. Сидя на завалинке, Алешка-турка любил рассказывать ребятам о событиях этой нелегкой войны, о боях у Плевны и на Шипке. И особенно нравился им добродушный рассказ о том, как во время наступления, желая сократить путь, он, перелезая забор, повис на колу, зацепившись за него ремнем ранца, да так и провисел до конца боя, за что не понявшее добрых намерений солдата начальство пропустило его потом сквозь строй под шомполами.

— Ничего не попишешь, провинился — терпи,— с пониманием говорил старый ветеран, любивший пословицы и афоризмы.

Иногда в праздники, потолкавшись возле казенки и слегка охмелев, ветеран надевал старую солдатскую гимнастерку, нацеплял медаль, на голову напяливал изъеденную молью папаху и диким голосом начинал выкрикивать:

— Стройсь... Равняйсь... Кругом марш... Курицыны дети!..

Было в этом старом чудаке что-то такое, за что любили его мальчишки, что потом заставляло их выискивать в библиотечке учителя, помещавшейся в посудном шкафу, книжки о минувших войнах русского народа. Эти книги стали постоянными друзьями Ивана Конева.

Учитель, друживший с ребятами, поощрял в них страсть к чтению. Книги крохотной школьной и его личной библиотечек всегда были в ходу. К Ивану учитель благоволил и иногда доверял ему, второкласснику, заниматься с «перваками».

Приходскую школу Иван Конев закончил с похвальным листом, и к листу этому учитель приложил от себя книжечку Гоголя «Ревизор» с очень лестной надписью: «За выдающиеся успехи и примерное поведение».

— Учись, учись дальше, Ваня,— напутствовал он своего ученика.— Наберешься знаний, окрепнешь умом, хорошо послужишь отечеству и ближним своим.— И, склонный пофилософ-

ствовать, учитель добавил: — Что может быть лучше, чем послужить отечеству и отдать живот свой за други своя?

Почти в ту же пору получил Иван и первый политический урок. Дядя его по матери, грамотный крестьянин Маргасов, книгочей, снабжавший племянника книгами русских классиков, однажды то ли по ошибке, то ли нарочно дал мальчику почитать брошюрку о революции 1905 года. Понял ли до конца тринадцатилетний крестьянский мальчик суть брошюры или нет, трудно сказать, но некоторые выводы определенно сделал.

На стене в избе висела лубочная карта мира. На ней по территориям разных стран были соответственно размещены фигуры царей, королей и президентов. У двух августейших особ на лубочной карте — у японского микадо и русского царя — Иван выколол глаза.

Тут, как на грех, в гости нагрянул старший брат отца — урядник, крикун и службист из унтер-офицеров. Увидев расправу, учиненную над двумя августейшими особами, он сейчас же принялся рыться в книжках. Отыскав брошюру о 1905 годе, заорал:

— Чья? Кто читает?

Иван ответил простодушно:

— Я.

— Ах, ты! — Дядя ударил племянника брошюрой по лицу.— Степан, видишь, куда твой косит? — сказал он брату — Я эту книжку у вас изымаю. Если твой щенок еще за что-нибудь такое возьмется, узнаю — обоих посажу. Понял?..

Осенью возник вопрос о продолжении учебы. Ближайшее земское училище было в селе Пушма, в десяти верстах от деревни Лодейно. Десять верст пешком отмахать зимой туда и обратно — не шутка. Но тяга к учению была сильная, и Иван ходил, пока его не устроили в приюте, открытом при училище. Учителем в нем был либерал, толстовец, человек с широким кругозором, любитель литературы. Иван окончил училище с похвальным листом.

— Сейчас вот вспоминаю моих учителей, и сельского кузнеца, и ветерана Алешку-турка, всех вспоминаю с большой благодарностью,— рассказывал маршал.— Общение с такими людьми обогащает душу, а это ох как надо было в те глухие времена!

Иван Конев стал грамотным, начитанным парнем. Отец устроил его табельщиком по приемке леса. Это была уже совсем

серьезная работа. Помимо знания сортов леса, требовалось умение хорошо и точно считать, а в этом Ивана не могли превзойти и взрослые.

Но табельщик на складе — работа сезонная. Семья продолжала остро нуждаться. И пошел Иван Конев, как тогда говорили, в люди. С караваном плотов, с берестяным коробом за плечами, в который уложена запасная пара белья, косоворотка, ложка, вилка, ножик — нехитрый багаж путника, он направился в город с письмом к дяде Димитрию, работавшему грузчиком в порту. Небогато жил и этот дядя. Но племянника принял, разместил в углу, помог устроиться табельщиком на пристани.

Шла империалистическая война. Русская армия несла большие потери. Требовались новые и новые резервы. Все больше рекрутов призывали в армию. И вот в мае 1916 года Иван Конев получил от воинского начальника повестку. С мобилизационной повесткой отправился он в уездный город.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Из уездного города Никольска Иван Конев попал не на фронт, а в запасной полк в Моршанск.

Здесь новобранец показал себя грамотным и дисциплинированным. Ему не пришлось, как бывало с иными рекрутами, засовывать в голенища сапог сено и солому, чтобы отличить правую ногу от левой. Но он никак не мог свыкнуться с самодурством ефрейтора. Не сразу усвоил, что ефрейтор, например, может заставить тебя чистить сапоги, и тяжело переживал, еле сдержался, когда рядом с ним ефрейтор влепил его однодеревенцу в ухо.

После месяца обучения полк выстроили на плацу. Пришли офицеры. Вызывали солдат, расспрашивали, выясняли способности, грамотность и, взвесив всё, направляли в тот или иной род войск.

Ивана Конева, хотя и был он в полку чуть ли не самым младшим по возрасту, определили в артиллерию и послали на учебу в тяжелую артиллерийскую бригаду, стоявшую в Москве на Ходынском поле.

Военное дело, несмотря на тяжкие условия быта армии тех дней, увлекло крестьянского парня. Иван готовился стать разведчиком-наблюдателем. Он приучал себя быстро составлять данные для стрельбы батареи. Тут уже приходилось прибегать к геометрии и тригонометрии, а поскольку в школе он постиг лишь начала этих наук, то теперь усердно сидел за учебниками,

иногда и за счет сна. Учеба от восхода до заката. Тяжелая. Изнурительная. Но интересовавшая новобранца.

Февральская революция застала солдата-фейерверкера Ивана Конева в Москве. Он принял активное участие в освобождении арестованных за антивоенные выступления солдат бригады. С волнением слушал выступления большевиков. Разоружал жандармов.

Именно в эти дни стало по-настоящему проясняться его сознание. С волнением читал он в газетах про новые и новые неудачи русской армии.

Видел бесконечные тоскливые очереди у продовольственных лавок. И как у всех солдат той поры, назревало в нем и искало действенного выхода глухое недовольство окружающим.

Он видел: Февральская революция сменила власть. Офицеры прикрепили к шинелям красные бантики. Но все остается по-прежнему: и очереди у лавок, и тяжелые вести с фронтов о новых поражениях, и вопли газет о том, что надо спасать «единую, неделимую», и то, что прежние хозяева страны из своих кабинетов, контор, помещичьих домов продолжают командовать этой «единой и неделимой» и разворовывать ее.

В дивизионе тяжелых орудий, где служил Иван Конев, был писарь — худой, бледный человек, избавленный по болезни от строевой службы. Он называл себя большевиком. Газеты, попадавшие в дивизион, обычно быстро шли на цигарки. Но та, что приносил этот писарь, газета «Правда», долго ходила по рукам.

Иван Конев в те дни еще не очень разбирался в сложных переплетениях политической борьбы. Сначала просто по-человечески привязался к этому писарю, как-то ухитрявшемуся находить прямой и точный ответ на любой вопрос молодого любопытного фейерверкера. А правда «Правды» становилась правдой и самого Ивана Конева. Он читал иные статьи вслух своим малограмотным, а то и вовсе неграмотным товарищам. Твердо усвоил большевистский лозунг: «Фабрики — рабочим, земля — крестьянам, власть — трудящимся». Он верил в справедливость этого, сердцем принимал правду маленькой, нечетко отпечатанной газеты.

В те дни Временное правительство по требованию союзников спешно готовило наступление на Юго-Западном фронте. Дивизион, в котором служил Иван Конев, был снабжен английским обмундированием и снаряжением, оснащен английскими орудиями. Его погрузили в эшелоны и направили в Тернополь.

И в этот следовавший на фронт эшелон садился уже не просто

крестьянский парень из вологодской глуши, не просто солдат-фейерверкер, а убежденный молодой большевик, хотя и не оформивший еще своей принадлежности к партии. Он умел уже не только угадывать сердцем, но и сознательно отыскивать истину в кипучей путанице политических событий.

— Тогда и произошло мое боевое политическое крещение, навеки связавшее меня с партией Ленина,— обобщает Иван Степанович воспоминания о далеких днях своей юности.

...Он сидит в дачном плетеном кресле. Перед ним недопитый стакан чаю. За оградкой веранды буйствует яркая саксонская весна. Сирень самых диковинных расцветок тянет из палисадника свои ветки, а мне вспоминается вьюжный декабрь 1941 года, тесная изба, раскаленная труба печки, первая наша встреча.

Сколько с тех пор пришлось пройти, увидеть, пережить, прежде чем удалось осуществить свой замысел, получить это большое интервью и подготовить материал для очерка о выдающемся полководце Великой Отечественной войны!

ВОЕНКОМ ГОРОДА НИКОЛЬСКА

Лишь в середине зимы 1918 года фейерверкер дивизиона тяжелых орудий особого назначения Иван Конев возвратился в родные края. Ехал на родину, мечтая поскорее взяться за привычные мирные дела, по которым истосковался в окопах. Знал, что деревни разорены, что война высосала из них все соки, что женщины, дети, старики крестьяне перебиваются с хлеба на квас. Но твердо знал он и то, что весь уклад жизни теперь изменится. В стране совершилась пролетарская революция, на местах укреплялась новая власть Советов, корни старого строя были подорваны, начиналась новая, особая жизнь — без помещиков, фабрикантов.

Об этой жизни и размышлял Иван Конев, с волнением посматривая с верхней полки на перелески и боры родной Вологодчины, местами подступавшие прямо к железнодорожному полотну.

С мечтой о сельской тишине, о мирной, любимой с детства работе сошел Иван с поезда и, перебросив за плечи вещевой мешок, зашагал по знакомой дороге. Его нагнала попутная подвода. Мужичок, ехавший в том же направлении — на деревню Лодейно, посадил солдата. И здесь, по дороге домой, в крестьянской подводе, растаяла мечта артиллериста об отдыхе и покое.

— Власть-то новая, может, она и правильная, кто спорит. Свой брат в волости, да не крепко она на ногах стоит, эта самая власть. Ноги у нее дрожат,— говорил подводчик.

— Как это дрожат? Что ты такое порешь?

— А так вот и порю,— продолжал мужичок, помахивая кнутом.— Подламывают ей ноги, этой самой новой власти. Устоит ли, нет ли? Это еще большой вопрос.

— Никаких вопросов. Власть перешла к Советам везде. Наша власть — рабочая и крестьянская,— отвечал Конев.— Никакой другой власти у нас не будет.

— И это еще на воде вилами писано,— уклончиво ответил мужичок.— Мое дело сторона. Мне что ни поп, то батька. Мое дело — пахать да сеять. А только ты, служивый, не очень надейся. Может, у вас в Питере все там гладко, а у нас, заметь, лесные края, и многие жители на новую власть свое мнение имеют. Ты, служивый, поди-ка, ярый большевик?

— Пока еще нет. Но сочувствующий.

— А коли сочувствуешь — остерегись. Погляди-ка лучше по сторонам, чья возьмет. Ох, какой это еще вопрос, служивый! А впрочем, мне что, мое дело сторона. Но-о, Лыска...

Лошадь, сбруя — все это у подводчика было справное, наверно, и хозяйство у него немалое, крепкое, и хлеба в достатке. Иван Конев понял, что это один из тех, кого в их краях звали «справными хозяевами». Стал расспрашивать, что, как, откуда-де у тебя такие опасения, но «справный хозяин», крепкий середняк, уже закрылся в своей раковине, ответил только:

— Говорю тебе, солдат, я в эти дела не лезу. До дому доедешь, узнаешь.

И, оказавшись дома, Иван Конев узнал, что во многом попутчик его был прав. И хотя земля у помещиков была уже отобрана, красные флаги висели и на сельсовете и на вновь открытой избе-читальне, в лесном этом уезде было неспокойно. Наряду с молодыми Советами существовала и заправляла делами старая земская управа. Сидевшие в ней сторонники старого режима не выполняли распоряжений новой власти, гнули свою линию. То тут, то там вспыхивали контрреволюционные мятежи, жестокие и кровавые.

Едва переступив порог родного дома, едва выпив с отцом «со свиданьицем» и попарившись вместе в бане, о чем солдат давно мечтал, он уже расстался с мыслью об отдыхе: здесь, на Вологодчине, молодая, неокрепшая Советская власть была действительно в опасности, нуждалась в помощи, защите.

И, не дав даже как следует высохнуть выстиранному с вечера теткой белью, Иван Конев на утренней заре запихал его в солдатский мешок, сунул туда же лепешек на дорогу, забрал при-

везенные с собою книги и уже шагал, держа путь к уездному городу Никольску. По дороге он решал, куда ему следует обратиться: в уездный исполком или в уком партии? И хотя он, большевистски настроенный солдат, был тогда еще формально беспартийным, пришел все-таки в уком: вот он я, Иван Конев, крестьянин, бедняк из Лодейно, сочувствующий. Чем я могу помочь Советской власти и партии?

Вскоре Конева приняли в партию. Он активно включился в работу Никольской большевистской организации. Вчерашнего солдата, едва достигшего двадцати лет, избрали членом исполкома и назначили уездным военным комиссаром. Двадцатилетний военный комиссар! Впрочем, в ту пору, на острых ветрах революции, люди росли быстро.

Едва приняв эту должность, уездный комиссар сразу же начал формировать боевой революционный отряд. В лесных волостях вспыхнул мятеж, спровоцированный эсерами. Вспыхнув, он, наподобие лесного пожара, стал расползаться по уезду, захватывая все новые и новые волости, угрожая и самому городу Никольску. В базарные дни в городе стали появляться разведчики мятежников, ведущие себя весьма нагло. Разбрасывали листовки, пускали слухи: скоро придем, ждите — большевикам болтаться на фонарях!

В уезде было объявлено военное положение. И хотя отряд Конева еще как следует не сформировался, хотя рабочие, составлявшие его ядро, еще только проходили военное обучение, они под руководством своего военкома выступили на подавление восстания.

Для только что принятого в партию коммуниста Конева этот поход против вологодской контрреволюции был суровым испытанием. В тяжелой классовой борьбе с хитрым, коварным врагом он приобретал первые командирские и комиссарские навыки. Командирские и комиссарские в неразрывном сочетании.

В этой борьбе Иван Конев проявляет не только способность командовать, управлять боем, но и умение влиять на человеческие сердца, привлекать на свою сторону колеблющихся, убеждать сомневающихся, заводить в селах среди самых мирных крестьян друзей, советчиков, помогавших его мобильному отряду нащупать верный след, внезапно напасть на неприятельский стан.

Молодой командир не забывает своей беседы с попутчиком-земляком, подбросившим его со станции до родной деревни.

Таких, как тот, много. Они хотят жить по принципу: моя хата с краю, я ничего не знаю, подожду, кто кого одолеет. В зависимости от обстоятельств они могли быть друзьями и врагами, и важно, очень важно добрым словом, хорошим примером сделать их друзьями. И Конев не жалеет времени на работу с населением. Из нескольких оказавшихся в его отряде интеллигентов он создает группу агитаторов, разъясняющих населению политику Советской власти.

Вероятно, это и обеспечивало отряду успех в сложной, запутанной войне. В Никольск отряд возвратился окрепшим, закаленным и, несмотря на понесенные в боях потери, значительно выросшим.

Да, как помогало Ивану Степановичу Коневу это полученное еще в молодые годы комиссарское умение доходить до сердца солдата! Маршала Конева можно было увидеть и на передовой, и в окопе, беседующим с бойцами, спрашивающим их мнение о проведенном бое, о настроении, о новом, только что испробованном оружии.

НА ФРОНТ, НА ФРОНТ!

Тяжелый, беспокойный 1918 год. Со всех сторон на молодую Страну Советов наступают армии белогвардейцев и иностранных интервентов. Положение порой критическое.

6 июля в Москве, где работает V съезд Советов, левые эсеры поднимают мятеж. Их удар направлен в самое сердце Советской Республики. В этот грозный час большевистская фракция съезда мобилизуется на подавление левоэсеровского мятежа. Среди мобилизованных делегат с Вологодчины Иван Конев. О боевом отряде никольского военного комиссара и о том, как действовал командир этого отряда, в Москве уже известно. И Конева направляют в район Каланчевской площади, площади трех вокзалов, командовать рабочим отрядом, посланным для поддержания революционного порядка в этом стратегически важном пункте города. В отряде старая рабочая гвардия, многие коммунисты. Это суровые люди, на которых можно положиться. Но большинство из них не очень еще умело держит в руках винтовку. И все с сомнением поглядывают на своего юного, безусого командира. Но уже при разработке плана обороны Конев проявляет такое знание военного дела, показывает такую предусмотрительность, что недоверие исчезает.

Вокзалы взяты под строгий контроль, и ни один из них мятежники не сумели использовать в своих целях. Так успешно была написана еще одна страница биографии молодого большевика.

Обстановка в стране продолжала накаляться. Мобилизация

следует за мобилизацией. Военком города Никольска формирует и направляет на фронт одну за другой маршевые роты. Дел по горло. Времени не хватает даже для сна. И хотя Конев знает, что тут, в тылу, он делает все, что может, и делает немало, его все сильнее тянет на фронт. Туда, где, сражаясь, люди отстаивают Советскую власть. Там, именно там его место.

Он осаждает начальство рапортами. Просит, уговаривает, требует послать на фронт. И наконец, с этой своей мечтой, облеченной в форму рапорта, он предстал перед Михаилом Васильевичем Фрунзе.

С нескрываемым удовольствием смотрит Фрунзе на коренастого светловолосого юношу, подтянутого, немногословного.

— Ну что же, пойдете на фронт, если так настаиваете,— говорит он, проводя рукой по коротким, бобриком стриженным волосам.— Смотрите, сколько их теперь, фронтов. И везде нужны военные люди, преданные революции.

Фрунзе поднял взгляд на карту страны, висевшую на стене позади его рабочего стола. На ней была нанесена лаконичная схема. Тяжелая, очень тяжелая обстановка. Черные стрелы со всех сторон глубоко врезаются в тело молодой Республики.

— Поедете во главе отряда земляков.— Фрунзе крепко пожимает Коневу руку.— Командуйте. Желаю успехов.

Стремясь вникнуть в обстановку тех дней, так сказать, вдохнуть ее воздух, листаю пожелтелую, потрепанную подшивку газеты «Плуг и молот» и в номере от 18 июня 1918 года нахожу заметку:

«14 июня из города Никольска отправился на фронт добровольцем один из лучших, честных, всей душой преданных революции организатор ячейки коммунистов, военком, дорогой товарищ Конев И. С.».

В той же газете приведены слова военкома, сказанные им своим землякам на прощание на митинге перед выступлением никольского отряда из города. Вот эти простые слова, как бы запечатлевшие романтическое революционное кипение тех давних лет:

«...Свора империалистов со всех сторон нападает на Советскую власть. В предсмертных судорогах она все свои средства и силы отдает на борьбу с ненавистным ей большевизмом, который отнял землю у помещиков и отдал ее крестьянам, а фабрики рабочим. Момент серьезный... Но мы идем на фронт с пол-

ной уверенностью в победе и в том, что наш священный долг выполним».

Однако сразу попасть на фронт никольскому военкому не удается и теперь. В Костромской губернии вспыхнул крупный кулацкий мятеж. Мятежники разгоняли Советы, убивали коммунистов, пытались организовывать свою, кулацкую власть.

Конев получил приказ остановить эшелон, выгрузить отряд, выступить на борьбу с этой новой опасностью.

Он пытался возражать.

— Но мы же движемся на фронт. Товарищ Фрунзе поручил мне...

— Здесь тоже фронт. Очень опасный. Нацеленный в сердце России.

— Но...

— Никаких «но», исполняйте. У вас есть опыт в подавлении кулацких восстаний.

И вот во главе своего отряда командир, уже действительно имеющий опыт боевой и политической работы, двинулся в леса Нерехтинского уезда.

Вводя его отряд в сложную борьбу в незнакомых, чужих местах, командование все-таки верно оценило способности и возможности молодого командира. Одну за другой отряд настигает и громит хорошо организованные банды и в то же время завязывает дружбу с населением. В деревнях и селах у отряда появляются друзья, направляющие его по верному следу, наводящие отряд на места бандитских стоянок, помогающие вылавливать неприятельских лазутчиков.

Боевых дел по горло. Ни дня без боя. И бои в лесном краю сложные, тяжелые. Но за всеми этими делами прирожденный воин Иван Конев не забывает, что решающие сражения за Советскую власть идут не здесь и настоящие фронты, на которых решается судьба революции, далеко от Костромских лесов.

Когда банды были разбиты, а очаги мятежных пожаров погашены, отряд Конева влился в запасной полк. Ивана Конева назначили командиром маршевой роты, и он с этой ротой направился в 3-ю армию на Восточный фронт. Там он попал в запасную артиллерийскую часть и сразу же был избран секретарем партийного комитета.

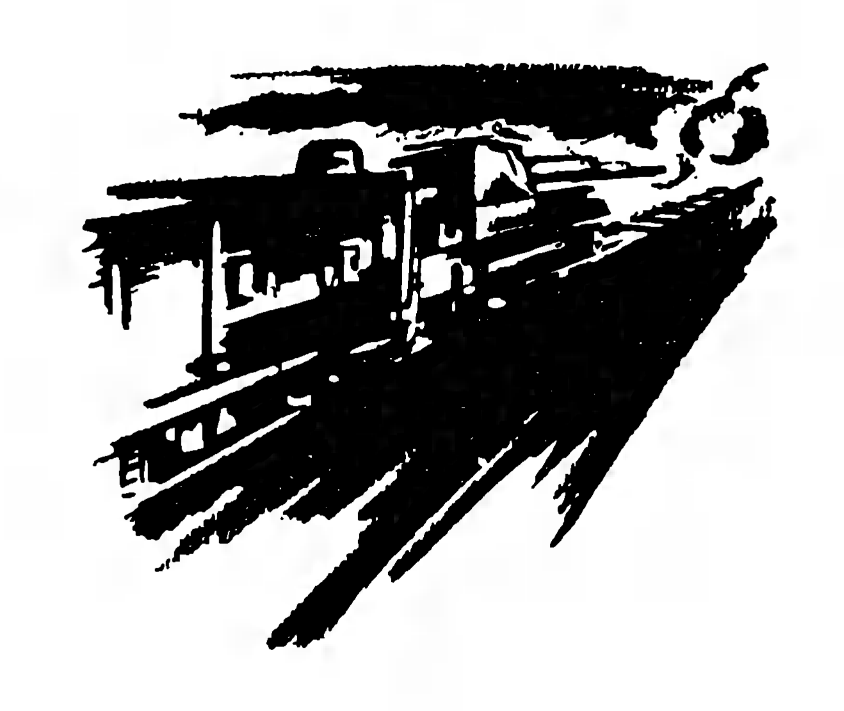
— Товарищи, но я же просил: пошлите на фронт.

— Большевик должен быть там, где он нужнее в данный

момент. Укрепите партийную работу, вырастите себе крепкую замену — отпустим. Поняли?

— Слушаюсь.

За партийную работу Конев взялся с той же добросовестностью, какая отличала его всегда и во всех делах. Постепенно увлекся ею, вкладывал в нее душу. И все же рвался на фронт, и с каждой новой сводкой о боях, прочитанной в газетах, это стремление укреплялось.

БРОНЕПОЕЗД «ГРОЗНЫЙ»

И вот мечта сбылась. Партийная работа налажена. Найден человек, которому можно ее передать. Командование выполнило свое обещание. Конева направляют на фронт, назначают комиссаром бронепоезда.

Даже когда между той давней порой легло больше чем полвека — и какие полвека! — Маршал Советского Союза не мог без волнения вспоминать эти страницы своей биографии.

Обстановка тогда была самая угрожающая. Война шла сразу на нескольких фронтах. Неприятель наступал на молодую страну с запада и с юга, с севера и с востока. Белые армии были отлично вооружены, имели броневики и автотранспорт, позволявшие им легко маневрировать.

В условиях гражданской войны бронепоезда Красной Армии приобретали особенно важное значение. В острых боевых ситуациях они заменяли и артиллерию и танки. А в обороне превращались в подвижные крепостные редуты. На романтическом языке тех дней их называли ударной силой революции. Бронепоезд № 102, куда был направлен Иван Конев, на Восточном фронте считался одним из самых боевых. Помимо официального названия и номера, народная молва присвоила ему кличку «Грозный».

Укомплектованный экипажем из матросов и кадровых уральских рабочих, этот бронепоезд совершал стремительные рейды, участвовал во множестве боев, и часто его орудия говорили в боях решающее слово. В частях у «Грозного» была прочная боевая слава. Рассказы о нем часто опережали его прибытие. Неприятельское командование боялось «Грозного». Выделялись

специальные отборные группы, которые охотились за ним: разбирали рельсы, взрывали стрелки, устраивали артиллерийские засады. Но «железному» экипажу бронепоезда удавалось прорываться через все препоны, и стальная махина продолжала идти на восток, иногда впереди частей наступающего красного фронта...

— Вы сразу освоили комиссарское дело? — спрашиваю Ивана Степановича.

— Ну, как сразу! — задумчиво отвечает маршал.— В сущности, оно не было для меня новым. Когда мы подавляли мятежи в моих родных краях, а потом гонялись за бандами по Костромским лесам, приходилось одновременно и командовать и комиссарствовать, сражаться с врагом и вести работу с населением, завоевывать сердца бойцов, вселять в них веру в победу правого дела. Многое дал мне и опыт партийной работы в запасной части. Он научил заглядывать в душу человека, видеть перед собой не сплошную шеренгу, а отдельных людей, каждого со своим характером, со своими особенностями. К каждому бойцу нужно свой особый ключ подобрать. А это и есть главное в комиссарском деле.

Словом, комиссар, вновь оказавшийся самым молодым в экипаже «Грозного», быстро поладил с людьми. И в боевой славе бронепоезда, которая до сих пор живет за Уралом, в Сибири, есть немалая доля его, комиссарских заслуг.

В своем боевом движении на восток «Грозному» порой приходилось совершать такое, во что сегодня даже трудно поверить. Для примера приведу случай, который, вероятно, является единственным в своем роде с тех пор, как на рельсы вышли бронепоезда.

Отступая, белогвардейцы взорвали железнодорожный мост через Иртыш. А на фронте, на другом берегу реки, куда наши войска перешли по льду, создалась сложная обстановка и позарез потребовалась ударная мощь бронепоезда. Как быть? Мост быстро не восстановишь. И вот решено было попробовать перевести бронепоезд на другой берег... по льду. Даже опытным железнодорожникам такой замысел поначалу показался нелепым. Поезд бронирован толстыми плитами стали. Вместе с тяжелыми орудиями, боеприпасами эта махина представляла огромный груз.

Но люди, увлекаемые комиссаром, совершили небывалое дело. Конев поднял всех железнодорожников и крестьян окрестных деревень. Лопатами, кирками они дробили крутые прибреж-

ные откосы, делая пологие съезды. Возили на лед бревна, наводили на них настил. На нем укрепляли шпалы, выкладывали рельсовый путь. И по этому пути перевели-таки через реку ручной тягой сначала паровоз, потом одну за другой и его бронированные площадки. Самым невероятным было то, что вся работа завершилась за сутки.

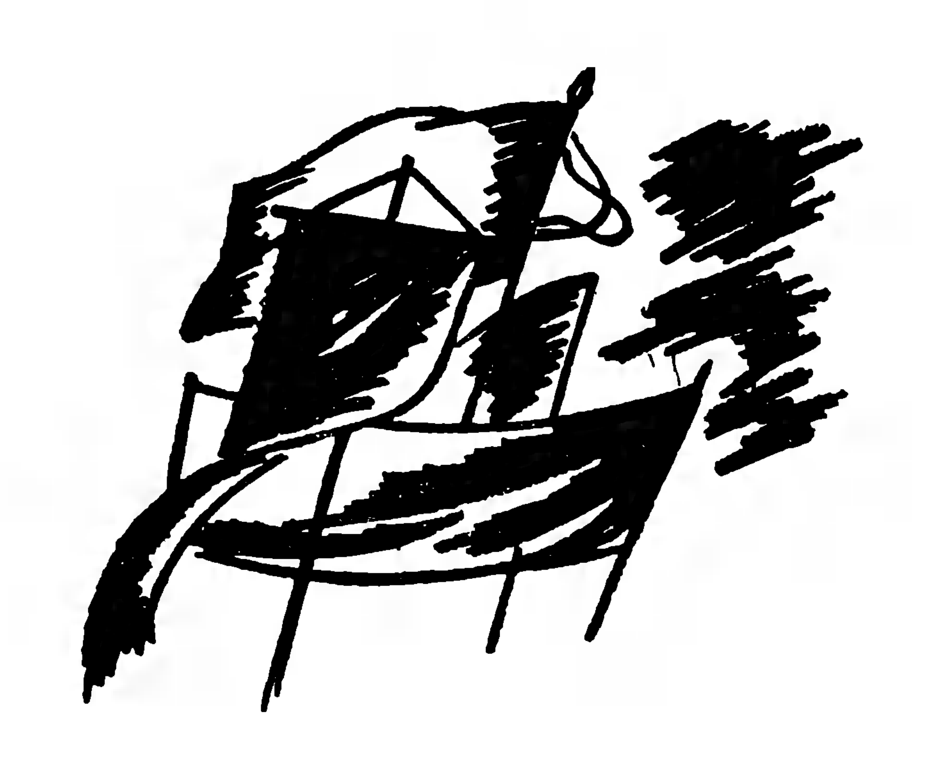
Только один день стоял «Грозный» у депо станции Омск. В этот день командир и комиссар успели всласть попариться в сибирской курной бане, осмотреть отбитый у адмирала Колчака город и сняться на память у базарного фотографа.

— Вы, товарищ маршал, с какой-то особой теплотой вспоминаете эту историю, случившуюся на Иртыше. Почему?

— Многому она меня научила.

— А чему именно?

— У большевиков есть правило: нет таких крепостей, которых они не могли бы взять. Вот этому и научился. Когда в эту войну создавалась острая ситуация, вставали препятствия, которые казались непреодолимыми, я вспоминал историю на Иртыше и начинал искать выход и находил. А ведь сколько было таких случаев и у меня и у моих соседей по фронтам Великой Отечественной войны!

СЛУШАЯ ЛЕНИНА...

Когда была взята Чита, комиссару бронепоезда «Грозный» не было еще двадцати трех лет.

Учитывая заслуги и боевой опыт, его назначают комиссаром стрелковой бригады, а потом и дивизии. Большевики Дальнего Востока избирают Конева своим делегатом на X съезд партии.

Долго, очень долго шли тогда с Дальнего Востока в Москву поезда. В длинном этом пути люди знакомились, завязывали дружбу. В вагонах складывался свой особый дорожный быт.

Соседом по купе у комиссара дивизии Ивана Конева оказался тоже молодой комиссар одного из славных дальневосточных партизанских отрядов — Александр Булыга. Поезд целый месяц тащился с Дальнего Востока в Москву. Познакомились, разговорились. Над губами юношеский пушок. Но у обоих за плечами изрядный военный опыт. Есть что вспомнить, есть о чем потолковать. Едут, беседуют. По очереди бегают на полустанках с чайником за кипятком. Оба любят литературу. Отправляясь в длинную дорогу, набили вещевые мешки книгами. Читают. Спорят о прочитанном. Поют.

Знакомство переходит в дружбу надолго.

Мне привелось видеть их вместе много лет спустя на Калининском фронте в разгар первого нашего зимнего наступления. Там снова встретились бывшие соседи по купе того дальнево-

сточного поезда: один, Иван Конев,— уже генерал-полковник, командующий фронтом; другой, Александр Булыга,— ставший уже известнейшим нашим писателем Александром Фадеевым. Оба видные общественные деятели: один, Конев,— кандидат в члены Центрального Комитета партии, другой, Фадеев,— член ЦК.

Сидели в избе за дощатым столом. Сидели и вспоминали тот долгий путь, проделанный в дальневосточном «экспрессе». Фадеев своим хрипловатым тенором запевал песню «По долинам и по взгорьям», Конев подтягивал. Я смотрел на них и думал: ведь оба они помнят и «штурмовые ночи Спасска» и «волочаевские дни». Оба видели, как шли вперед наши дивизии, как партизанские отряды занимали города. И еще думалось о том, как крепка мужская дружба, сложившаяся в те героические годы, и как необыкновенно молодеют лицом и душой люди, приникая к своему славному прошлому.

И припомнилось: когда мы шли после этой встречи по глубокой, протоптанной в сугробах тропинке, Фадеев, оглядываясь, сказал нам, военным корреспондентам, гуськом тянувшимся за ним:

— Если вы хотите узнать, что такое военная косточка, смотрите на командующего — настоящая военная косточка.— Потом уточнил: — Советская военная косточка...

А вечером Фадеев рассказывал нам, как вместе с Иваном Коневым приехал он в 1921 году в Москву, как разместились они на соседних койках в 3-м Доме Советов. Рядом оказались они и в зале съезда, а потом допоздна бродили по Москве, вдвоем переживая первую встречу с Владимиром Ильичем Лениным.

Когда пришла весть о кронштадтском мятеже, они вместе в числе 300 добровольцев — делегатов и гостей съезда — отправились в Петроград на подавление мятежа. Фадеев шел с пехотинцами по льду штурмовать Кронштадтскую крепость, Конева использовали по специальности — артиллеристом. Он направлял огонь батареи с косы Лисий Нос.

И в эти горячие боевые дни оба они горевали об одном: не услышат доклад Владимира Ильича, доклад, который должен определить дальнейший путь страны. Но когда мятежный гарнизон Кронштадта сложил оружие и те из делегатов, которые остались живыми, вернулись в Москву, им, пропахшим пороховой гарью, забинтованным, Владимир Ильич сделал доклад об итогах работы съезда.

Иван Конев слушал Ленина с огромным вниманием. Он родился в деревне. Он имел опыт общения с вологодскими, костромскими, сибирскими мужиками. Слушал, сопоставлял. Сравнивал с тем, что сам наблюдал и знал, и поражался ленинской дальновидности и принципиальности. Он аплодировал вместе со всеми и, вспоминая столько лет спустя те давние минуты, этот спокойный, уравновешенный человек, не терявший самообладания в любой сложной ситуации, заметно волновался. Он говорил:

— Это был самый памятный, самый счастливый день в моей жизни.

Этот день маршал любил вспоминать. Образ Ленина он носил в своей памяти, и мне не забыть, как в финале войны, наблюдая с крыши высокого дома, как передовая часть его фронта, форсировав Трептов-канал, прорвалась в Берлин, в эту, может быть, самую волнующую минуту своей полководческой жизни маршал задумчиво произнес:

— Вот если бы это видел Владимир Ильич Ленин!

НА НОВЫЕ ПУТИ

Вернувшись на Дальний Восток, Иван Степанович снова ведет привычную уже ему комиссарскую работу. Он комиссар дивизии, потом становится комиссаром штаба Народно-революционной армии, затем комиссаром 17-го Приморского стрелкового корпуса.

В постоянном общении с выдающимися военными деятелями того времени Конев расширяет свой кругозор, приобретает навыки работы в большом штабе. Школа. Лучшая школа — жизнь. И учит жизнь молодого комиссара быть чутким, человечным, снисходительным к мелким недостаткам людей и в то же время твердым, непримиримо принципиальным, даже жестоким, когда речь идет о врагах революции, о врагах партии. Много читает, много раздумывает над прочитанным.

Эти комиссарские качества, это сочетание человечности и непримиримости, которые воспитывает в себе Иван Конев, ярко проявляются, когда осенью 1924 года он переводится в Московский военный округ военкомом и начальником политотдела 17-й стрелковой дивизии.

В те дни троцкизм стал серьезной угрозой единству партии. Опытные ораторы и демагоги, оппозиционеры умеют ловко перевернуть любую истину вверх ногами, играть на людском тщеславии, беззастенчиво клеветать. Есть троцкисты и в армии. И на высоких постах.

Вот тут-то в борьбе с троцкизмом и проявляются комиссар-

ские качества Ивана Конева. Он хороший оратор, но на трибуне обычно немногословен. Побеждает логикой, знанием предмета, глубиной суждения. С троцкистами в армии он борется беспощадно. И в этой борьбе продолжает закаляться его характер.

Имя Конева уже известно и за пределами военного округа. У молодого годами комиссара добрая слава принципиального, сильного человека. И вот его вызывает к себе Климент Ефремович Ворошилов, тогда заместитель народного комиссара по военным и морским делам и командующий войсками Московского военного округа.

Кто в стране не знает этого славного полководца! О нем поют песни, его имя овеяно легендами. Конев еще не видел его, и воображение рисует эдакого витязя на богатырском коне. Первое, что поражает Конева, когда он оказывается в кабинете Ворошилова,— его невысокий рост, негромкий голос и какая-то ненарочитая простота в общении.

— Давно уже наблюдаю за вами,— говорит Климент Ефремович, с откровенным интересом приглядываясь к Коневу.— Знаете, вы ведь комиссар с командирской жилкой. Счастливое сочетание.

Помолчали.

— Сейчас мы проводим в армии единоначалие. Как вы смотрите на эту меру?

Светлые глаза так и впиваются в лицо посетителя.

— Положительно, товарищ командующий,— искренне отвечает Конев, стараясь угадать, к чему же клонит его собеседник.

— Вот и хотим мы вас сейчас, так сказать, передислоцировать на командную должность. Нам как раз нужны командиры с комиссарской душой. Что вы на это скажете? А?

Конев задумывается. Предложение заинтересовало. Но он говорит:

— Поучиться бы мне перед этим. Командной работы я не боюсь. Но ведь я практик. Семь классов да опыт гражданской войны. А теперь армия другая.

Ответ явно понравился Ворошилову.

— Правильно, товарищ Конев. Очень правильно. Время не то и армия не та. Опыта и революционной инициативы для командира теперь мало. Знания нужны, глубокие знания. Надо овладеть всем, что есть в военной науке... Вы человек совсем еще молодой. У вас все впереди. Пойдете учиться. Договорились?

Так в кабинете Ворошилова была переведена стрелка жизни «комиссара с командирской жилкой» Конева. С тех пор его военная деятельность пошла по командному пути.

Его зачислили на курсы усовершенствования высшего командного состава — те самые курсы, где учились, оснащая и подкрепляя теорией свой богатый боевой опыт, известные полководцы гражданской войны.

Лучшие военные теоретики тех дней преподавали на этих курсах. На кафедрах Конев увидел многих военных ученых, которых раньше знал только по фамилиям на обложках учебников. Некоторые из них уже в первую мировую войну были признанными авторитетами.

— Кто были вашими любимыми учителями? — спрашиваю я маршала.

— Их было немало, отличных учителей. Меликов читал лекции о наступлении на Западном фронте в дни гражданской войны. Какие разборы делал! Заслушаешься! Варфоломеев — историк и оператор. Тухачевский на опыте гражданской войны, на собственном опыте преподавал армейские операции. Триандафиллов — военное искусство в современных условиях. Им я навсегда благодарен. Какие люди! Какой огромный запас опыта и знаний! Не худо было бы и вам, братья писатели, в творчестве своем вернуться к этим замечательным военным, столько сделавшим для воспитания командиров Красной Армии.

— А кто больше всего вам дал? Кого вы особенно часто вспоминаете?

Маршал задумывается.

— Пожалуй, больше всего Борис Михайлович Шапошников. Он потом был моим учителем и по Академии имени Фрунзе. Он учил оперативной подготовке, учил наглядно... Ну и, конечно, если говорить о практической учебе, во время армейской службы, я должен добрым словом помянуть Василия Константиновича Блюхера, у которого еще в молодые годы был комиссаром штаба. Вот была светлая голова!.. До революции всего-навсего унтер-офицер... А как командовал армией и такой армией, как Особая Дальневосточная! И действовал он тогда с одинаковым успехом и как полководец, и как политик, и как дипломат. Его опыт очень помогал мне, когда я стал командующим войсками фронта. Да, отличные были у меня учителя! И за это я всегда благодарю судьбу.

Углубляясь в воспоминания, маршал вновь задумывается.

— Ворошилов сказал мне, что учиться никогда не поздно. Золотые слова. Их, по-моему, каждый военный, какого бы высокого звания он ни достиг, всегда должен иметь в виду. Золотые слова...

Курсы Иван Конев окончил успешно. Ему сразу же предложили весьма значительные, но некомандные посты. Предлагали настойчиво. Категорически отказался, просил направить его на командную работу. И именно на командование полком.

ПОЛКОВОДЕЦ НАЧИНАЕТСЯ В ПОЛКУ

— А почему именно на полк, Иван Степанович?

— А потому, что полководец начинается в полку. И как жалеют потом те, кто когда-то этой истиной пренебрег. Прыгать через ступеньку в жизни вообще не стоит. Ну, а в военной деятельности перешагнуть через полк, по-моему, вовсе нельзя.

Ивана Конева направили командовать полком в ту самую дивизию, комиссаром которой он был.

Пять лет командовал он этим полком. Полк стал для него, по его собственному выражению, большой школой войскового опыта. Об этом периоде своей деятельности он рассказывает с особой теплотой и, я бы сказал, задушевностью.

Не гладка дорога командира полка. Все было. Были трудности. В постоянном общении с подчиненными талантливый командир постигал искусство командования: умение учить и воспитывать подчиненных и в то же время учиться у них, умение принимать твердые решения и в то же время чутко прислушиваться к добрым советам. А главное, обогащать свой опыт.

— Я с радостью вспоминаю то время,— говорит маршал,— там, в полку, я приобрел все, что так пригодилось мне потом и в дни мира и в дни войны. Можно сказать, в полку я набирался сил и находил самого себя. Вообще командование полком — основа военного опыта. Больше того, смею утверждать, что без практики командования полком нельзя стать настоящим полководцем.

Так говорит он сам. А вот что говорят те, кто служил у него в подчинении? Заочное свидание с этими людьми у меня состоялось случайно. Отвечая на обращенные ко мне вопросы журналиста Центрального телевидения, я, в частности, сказал, что собираюсь работать над биографической повестью о маршале Коневе. И вот вскоре, почти одновременно, пришли ко мне три письма.

«...В дни, когда Иван Степанович Конев командовал нашим полком, я был красноармейцем, по-теперешнему говоря, солдатом. Хочу вам сообщить — это был замечательный командир, строгий и справедливый. Его все боялись и любили. И порядок у нас в ротах был образцовый. И питание хорошее, а об учении и говорить нечего: наш полк всегда первое место в дивизии держал. К бойцам товарищ Конев был исключительно внимателен. И нам все казалось, будто каждого из нас он знает в лицо. Хотя, конечно, это невозможно. В войну я сам полком командовал в звании гвардии подполковника. Так вот, встретится у меня какая трудность, думаю, а что бы Конев сделал, и принимаю решение. Так я «по Коневу» и командовал»,— писал полковник в отставке Владимир Киселев из города Йошкар-Олы.

«Запишите в свою монографию о Маршале Советского Союза Коневе И. С. мою ему благодарность за науку. Я под его командованием служил, когда он командовал полком. Человек я антирелигиозный, но скажу: дай бог всем сынам и внукам нашим, что сейчас проходят службу в войсках Советской Армии, такого командира полка... Будете писать, учтите мое мнение.

Механизатор, орденоносец, персональный пенсионер Влас Николаевич Пуговкин из деревни Плиево, Псковской области».

А ветеран гражданской и Великой Отечественной войн В. С. Теви из города Горького вспоминал:

«Я был помощником Сергиевского военного комиссара по военной подготовке и проходил лагерные сборы в Нижегородских военных лагерях. Иван Степанович Конев, командуя тогда полком, не раз выступал перед нами и своей вдохновенной, умелой речью, насыщенной любовью к Родине, буквально покорял всех, кто его слушал. Уже тогда, в те давние годы, он, безусловно, выглядел среди командиров как незаурядная военная фигура. Я тогда думал: вот человек, который способен повести войска за собой. И вышло, что думал я тогда правильно. Это хорошо, что вы, Борис Николаевич, решили написать книгу о таком замечательном человеке».

Три письма... Из разных концов страны пришли они. Они

разные, эти письма. Но все они вместе, как мне кажется, неплохо рисуют Конева как командира полка.

В последние годы своей жизни маршал опубликовал две интересные книги, посвященные минувшей войне: «Сорок пятый» и «Записки командующего фронтом». В той и другой он подчеркивает, как много ему дало командование полком. В одной из них, обобщая свои суждения, он говорит: «...командир полка — основная фигура в армии и в мирное и в военное время, основной организатор боя... В его руках собрано буквально все, что относится непосредственно к бою и военному быту, к обучению и воспитанию людей, к поддержанию дисциплины».

В служебной характеристике, данной И. С. Коневу как командиру полка, написано: «Инициативный, энергичный и решительный командир. Требователен и настойчив. Пользуется деловым авторитетом у подчиненных».

Эту старую характеристику, данную ему на заре его полководческой деятельности, И. С. Конев оправдывал всю жизнь. И на посту командующего гигантскими фронтами он был инициативен, энергичен, решителен, требователен и настойчив.

ДВОЕ СУТОК

Год 1931-й. Конев служит в дивизии, в которой когда-то был комиссаром. Теперь он командир и комиссар. В одном лице. Дела идут неплохо. Люди знают его еще по прежней службе, уважают. Но постоянная неудовлетворенность достигнутым, стремление к учебе, к повышению воинской квалификации и теоретического уровня — неотъемлемая черта его характера. Он подает рапорт с просьбой разрешить ему продолжить теоретическую подготовку. Именно его успехи на посту комдива и подогревают в нем эту тягу к совершенствованию военных знаний.

И вот он уже на особом факультете Академии имени Фрунзе. Теперь он штурмует высоты военных дисциплин. Штурмует прилежно и успешно. Настолько успешно, что по окончании учебы ему предлагают остаться на кафедре для научной работы. Но нет. Ученая карьера — это не по нему. Хочется поскорее применить знания на практике, проверить себя. Учитывая настойчивость просьб, его направляют в Белоруссию командовать дивизией.

В те дни военные тучи начинают бродить по небу Дальнего Востока. Японские милитаристы ведут войну в Китае, сосредоточивают в оккупированной ими Маньчжурии на границах Советского Союза огромную армию. Они совершают одну военную провокацию за другой, прощупывая наши силы. Там и тут вспыхивают стычки, порой перерастающие в крупные бои. Японские газеты уже не скрывают устремлений своих генералов.

Старые, знакомые Коневу еще со времен гражданской войны повадки. С тех ставших уже далекими дней, когда он комиссарствовал в штабе Народно-революционной армии, выбивавшей японских захватчиков с наших дальневосточных земель. Но самураям не дают покоя богатства советского Дальнего Востока, Сибири, Урала. Мерещатся им наяву. Выходом для прорыва на Сибирь, в наше Забайкалье, они намечают слабо защищенные просторы Монгольской Народной Республики.

И вот комдив Конев в один из осенних дней 1937 года снова в кабинете Ворошилова, теперь уже наркома обороны. У Климента Ефремовича хорошая память. Комдива он встречает дружески, как старого знакомого.

— Ну что же, правильно мы вас тогда на командную послали. Идет, идет у вас дело,— говорит он, будто между той давней беседой и этой встречей не пролегли годы.

На столе у наркома карта Монголии. Тот самый ее отрезок, где эта республика граничит с нашим Забайкальем.

— Вам знакома эта карта?

— Так точно, товарищ нарком. Знакома. Когда служил на Дальнем Востоке, и сюда приходилось оглядываться.

— Хорошо, что знакома. Пригодится это вам. Так вот, вы, конечно, знаете, что на границе Монголии японские генералы сосредоточили крупные силы. Разведка докладывает, они продолжают спешно передвигать их. Замысел ясен: разбив китайские военные силы, вот тут и тут,— нарком показывает карандашом направления,— ворваться в Монголию, быстро захватить ее. А через нее двинуться к нашим границам. Понимаете?

— Так точно, товарищ нарком...

— Ну еще бы, в Приморье вы свой человек... Так вот, монгольское правительство просило нас срочно послать им опытного военного специалиста. Вы уже встречались с японцами в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Имеете опыт. Ну и еще, помните, я вам говорил когда-то, вы командир с комиссарской душой, хороший политработник... Очень тонкая, очень сложная, очень деликатная будет эта миссия, товарищ комдив.— И, следуя привычке своей в острый момент разговора смотреть в глаза собеседнику, Ворошилов продолжает: — Так вот, хотим еще раз перевести стрелку вашей судьбы на новый путь. Большой Хурал Монгольской Народной Республики обратился к Советскому правительству с просьбой прислать войска Красной Армии. Есть мнение направить вас командующим особой группой войск в Монголию. Что вы на это скажете, товарищ Конев?

— Я согласен,— ответил Иван Степанович.

На помощь стране, дружба с которой у нас началась еще при жизни В. И. Ленина, были направлены крупные войсковые соединения с артиллерией, танками, с громоздким тыловым хозяйством.

Миссия командующего особой группой оказалась чрезвычайно трудной.

Тогдашняя Монголия была страной бездорожья. Ни железных, ни шоссейных дорог, ни хотя бы улучшенных грунтовых — ничего этого нет. А просторы необозримые. Можно целый день скакать на коне и не встретить не только селения, но и путника.

Еще в дни гражданской войны на Дальнем Востоке Конев был знаком с несколькими монгольскими командирами, приезжавшими на практику в штаб Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Это были дружелюбные, очень толковые люди, лихие конники. Но из рассказов их Конев знал, что на вооружении цириков не у всех еще были винтовки и даже ружья, что не вывелись окончательно и луки со стрелами. Конечно, теперь были не те времена. В монгольской армии имелось и хорошее современное оружие, полученное из Советского Союза по договору о дружбе и взаимопомощи. Но степняки, храбрецы по натуре, не видели настоящей войны. А против них теперь стояла на границе отлично обученная, располагавшая первоклассным вооружением, имевшая боевой опыт японская армия.

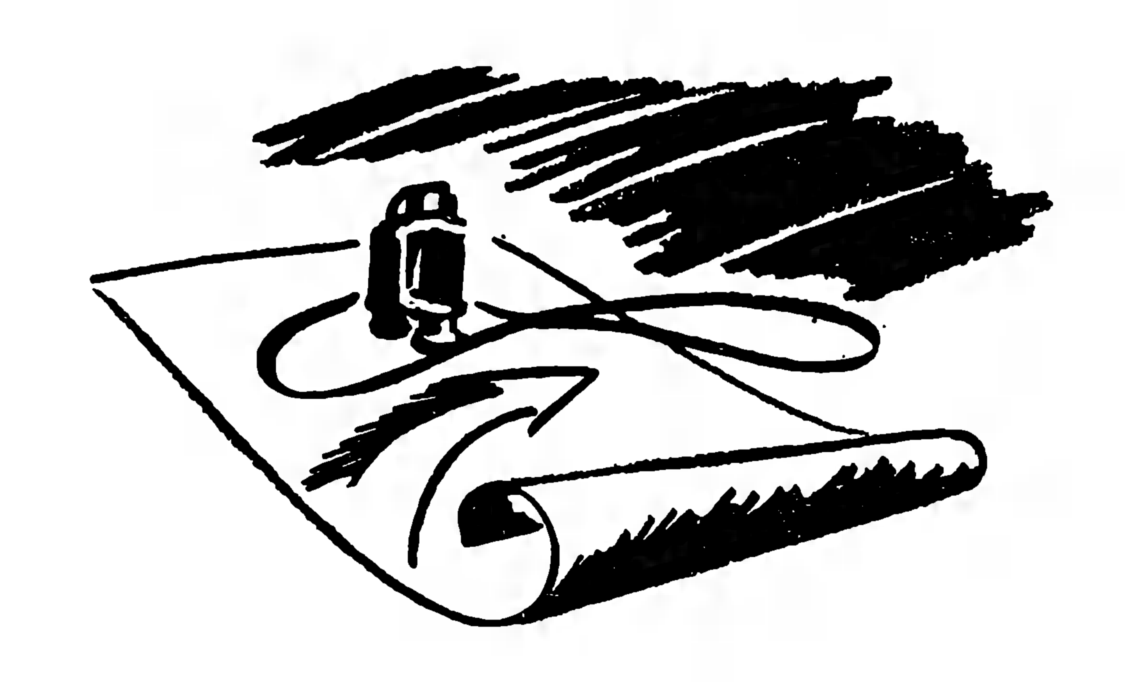
Разведка докладывала: армия эта подготовилась к прыжку. Чтобы предупредить ее удар, чтобы удар этот не оказался внезапным, нужно было вывести советские войска на угрожаемые рубежи.

Именно быстрота, организованность, точность этой широкой по масштабам передислокации, проведенной за двое суток под командованием Конева, позволили опередить задуманное японскими милитаристами выступление. Двое суток! Велик ли срок? Но именно эти двое суток оказались в то время решающими...

— Даже в дни Отечественной войны у меня, кажется, не было таких напряженных двух суток, как те,— рассказывает Иван Степанович.— Мне кажется, что там, в часы этой перегруппировки, солдаты наши совершили невозможное. Все происходило в пустыне, где нет ни дерева, ни травинки, где ветры валят человека с ног, где нет дорог, где в лощинах между холмами

машины вязнут по самые оси, а на холмах земля порой так тверда, что лопата звенит о нее, как о камень. Эти двое суток, так же как и тот день, когда мы по льду перетаскивали через Иртыш бронепоезд, показали мне, на что способен советский солдат,— размышляет маршал.— Когда я смотрю в музее знаменитую суриковскую картину «Переход Суворова через Альпы», мне иногда представляются на ней вместо тех суворовских орлов-гренадеров ребята из экипажа бронепоезда № 102 на Иртыше или те наши солдаты, что совершили свой славный форсированный марш по монгольскому бездорожью... Это у наших воинов в крови. От дедов, прадедов. Наши полководцы могут твердо верить, что их солдатам в решающую минуту доступно совершить то, что кажется невозможным...

За действия на территории Монголии Иван Конев был награжден высшим военным орденом Монгольской Народной Республики.

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ, ЛЕГКО В БОЮ

После выполнения этого важного задания Ивана Степановича Конева в сентябре 1938 года выдвигают на должность командующего 2-й отдельной Краснознаменной дальневосточной армией, а два года спустя он стал командующим войсками Забайкальского военного округа. Перед войной командует Северо-Кавказским военным округом. Копится опыт. Приобретаются навыки управления большими и сложными войсковыми объединениями.

Тучи новой войны надвигаются с Запада. Видя угрозу нападения со стороны гитлеровской Германии, Советское правительство крепило оборону страны. В войсках шли напряженные учения. Они проводились в обстановке, приближенной к боевой. Конев — горячий сторонник именно таких учений. Еще командуя стрелковой дивизией в Белоруссии, он часто проводил их. Некоторые военные придерживались иных методов подготовки, но с командующим округом И. П. Уборевичем у Конева в этом отношении было полное единомыслие.

Вспоминая те годы, маршал рассказывает:

— Ночные тревоги. Длительные, порой изнурительные марши по пересеченной местности. Форсирование рек. Стрельбы в обстановке, приближенной к боевой. Все это залог успеха настоящего военного воспитания. Так внушал нам Иероним Петрович Уборевич — дальновидный и мудрый полководец. Не устаю благодарить судьбу за то, что в свое время удалось мне пройти под его командованием суровую, очень суровую, но отличную школу. Считаю его одним из лучших моих учителей.

На родине полководца. Дом, в котором родился И. С. Конев.

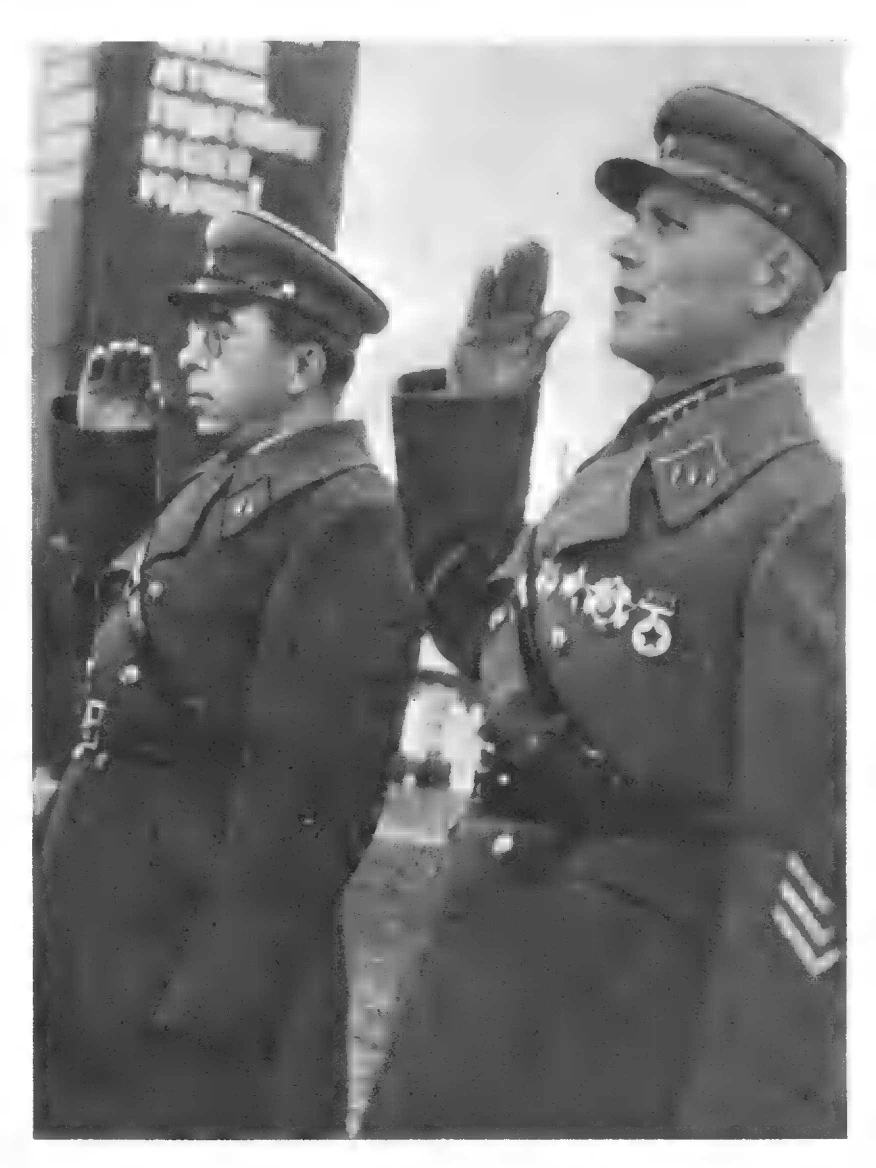
Бронепоезд № 102. Забайкалье. 1921 г.

И. С. Конев. Командир 50-го стрелкового полка. Нижний Новгород. 1926 г.

И. С. Конев среди командиров нижегородской дивизии. 1929—1931 гг. Во втором ряду, второй справа.

И. С. Конев на параде. Хабаровск. 1939 г.

И. С. Конев на военных учениях. Хабаровск. 1939 г.

И. С. Конев. 1942 г.

И. С. Конев. Северо-Западный фронт. Слева — Малиновский, справа — Боков и Сусайков.

И. С. Конев под Берлином. Апрель 1945 г.

На параде союзных войск в Австрии. Вена. 1945 г.

И. С. Конев. 1944 г.

И. С. Конев. 1944 г.

На детском празднике. Карловы Вары. 1946 г.

И. С. Конев среди солдат. 1960 г.

Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев.

И. С. Конев среди пионеров и школьников.

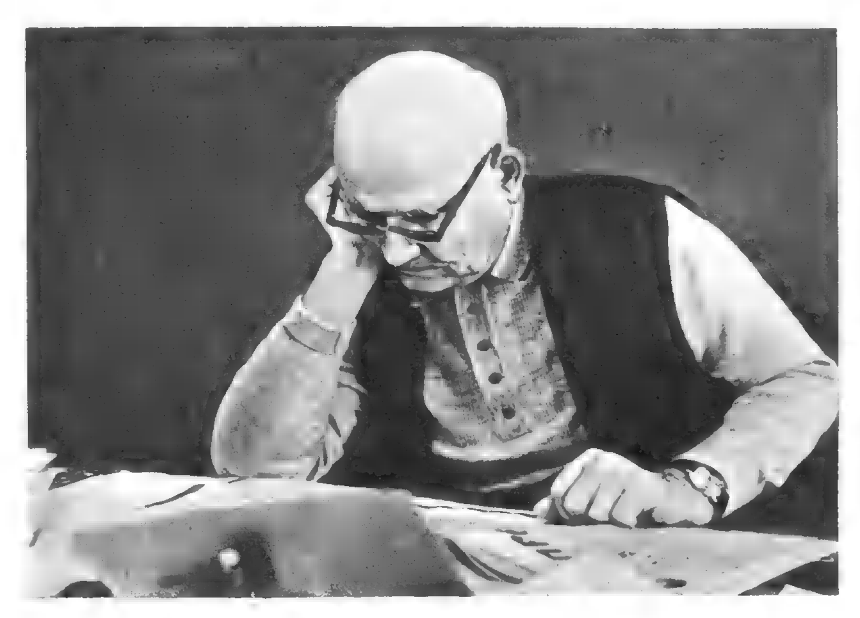
И. С. Конев на пионерской линейке. Февраль 1966 г.

И. С. Конев в Германской Демократической Республике.

Беседа с первым космонавтом.

За рабочим столом.

И. С. Конев среди солдат.

Улов...

Иван Степанович Конев.

Часто повторял он нам суворовские слова: «Тяжело в учении, легко в бою». Это его любимая поговорка.

— Строгий был командир?

— На учениях очень строгий. Строг, но не злопамятен. Умел отличать случайную ошибку от халатности или нерадения. Человек большого ума, неутомимой энергии, он каждый разбор после учений превращал в школу для командного состава. Каждый разбор, им проведенный, нес что-то новое. Он учил нас вникать во все детали. Иногда вызовет в штаб округа и неожиданно ставит оперативную задачу: «Решите на карте». И срок даст. Точно в этот срок требует доложить решение. Ну, а потом начинает разбор. Слушает, сопоставляет. А мы учимся. В военных играх Уборевич применял и такой метод. Он как бы повышал командира на ступеньку: комполка становился комдивом, комдив — комкором — и наблюдал, кто как в этих условиях действует. Особенно ценил при этом энергичность, сообразительность, оригинальность решения. Бывало, на его разборах муха пролетит — услышишь. Мы все знали, конечно, что Уборевич был одним из выдающихся военачальников гражданской войны. Но не прошлой боевой славой, а умом своим увлекал он нас, людей отнюдь не восторженных, много видевших и переживших...

Совершив отступление, посвященное памяти Уборевича, маршал вновь возвращается к предвоенным дням 1941 года.

— Теперь, когда мы все чувствовали дыхание надвигающейся войны, я, следуя правилу, усвоенному от Уборевича, все дни неустанно тренировал дивизии в самых сложных условиях. Были люди, которые не понимали, зачем это нужно. Называли это выматыванием сил. Да и в самом округе на меня некоторые косились: ведь маневры даже в масштабе дивизии весьма дорогостоящее дело. Но я чувствовал: время не ждет — и старался использовать каждый час.

— Во многих зарубежных книгах пишут, что в начале войны в оперативной и тактической подготовке мы значительно отставали от немецко-фашистской армии. Читали, наверное?

— Читал. Злонамеренная ложь,— резко отвечает маршал.— Я могу твердо заявить, что наши оперативные и тактические взгляды и перед войной были на самом высоком уровне. Да-да-да. Я читаю много иностранной литературы о минувшей войне. Практически все, что переводится и издается. И действительно, иные военные историки по-обывательски говорят: отступление... неудачи первых месяцев... до Волги немцев пропустили... Так

ведь, господа хорошие, Гитлер бросил против нас все свои лучшие армии, армии, не знавшие до этого ни одного поражения, за считанные дни разбивавшие армии крупнейших империалистических государств... И не только сотни своих дивизий бросил он против нас, но и дивизии своих сателлитов. Промышленность всей Западной Европы вооружала и снабжала их. И мы — этого никто не смеет оспаривать — в самый тяжелый период войны сражались с вражеской коалицией один на один.

Маршал, привыкший всегда в разговоре спокойно, ровно выстраивать доказательства, встает и начинает ходить по комнате.

— Оперативно-тактическое превосходство... Да, я далек от того, чтобы недооценивать ум и знания немецкого генералитета. Не люблю, когда противников изображают дураками, психопатами. Велика ли честь бить дураков и психов! В первый период мировой войны, когда она шла в Западной Европе, немецкие генералы действительно показывали свое оперативное и тактическое, а если хотите, и стратегическое превосходство над генералитетом капиталистических стран, армиям которых они наносили поистине молниеносные поражения. Но о том, чье оперативно-тактическое искусство превзошло в сражениях с нами, чей боевой дух восторжествовал, разумно судить не по началу, а по ходу и исходу войны. Это, между прочим, не моя мысль. Это слова немецкого теоретика Клаузевица. Очень правильные слова. Кто решится оспорить, что Знамя Победы — наше Красное знамя — взвилось на куполе фашистского рейхстага в неприятельской столице?! Вот что следует помнить всем, кто берется за перо и собирается писать о второй мировой войне.

— Так чем же вы объясняете такое единодушие западных мемуаристов в оценке нашей оперативно-тактической подготовки?

Маршал усмехается. И по обычаю своему отвечает народной мудростью:

— А тем, что, как говорят в народе, на чьей телеге едешь, тому и песенки поешь.

Он скупо усмехается и добавляет еще одну пословицу:

— Цыплят по осени считают. Это ведь и к итогам войны относится.

КОМАНДУЮЩИЙ ЗА АРТИЛЛЕРИСТА

В Великую Отечественную войну генерал-лейтенант Конев вступил командующим 19-й армией. В первые же дни после нападения гитлеровских войск на советскую границу был получен приказ грузить дивизии в эшелоны и форсированно двигаться на северо-запад, в район Витебск — Рудня. Армия организованно и быстро погрузилась. Но эшелоны шли медленно, под почти непрерывными бомбежками. Пути то и дело оказывались взорванными.

Головному эшелону, в котором находилась и оперативная группа командующего, удалось прорваться к месту назначения раньше других, значительно опередив стрелковые дивизии.

Командующий, не дожидаясь, пока выгрузка эшелона закончится, сел на вездеход и направился в штаб фронта. Нелегким и непростым был этот короткий, если смотреть на карту, путь. Неприятельские самолеты барражировали над дорогами. Часто приходилось делать остановки и пережидать налеты в придорожных кустах или в кювете. В пути в машину командующего попал осколок авиабомбы, и она загорелась. Тяжело контузило адъютанта, сгорел портфель с картами, находившийся у него в руках.

Разыскав штаб фронта и доложив командующему о прибытии армии, генерал Конев получил приказ: развернуть ее, отбросить неприятельские части от Витебска, организовать прочную оборону. Но ему сказали также, что связь с Витебском прервана и еще не восстановлена.

Читателям, вероятно, будет интересно узнать, как провел Конев свой первый день на фронте. Трудно провел. Узнав, что обстановка в районе будущих действий его армии неясна, он сам решил выехать в Витебск и оценить положение на месте.

На первых же километрах пути от Рудни к Витебску Конев понял, что положение на этом участке крайне тяжелое. Воинские части, упорно обороняясь, отходили на восток. В массе отступающих двигались обозы вперемежку с артиллерией. Попадались и танки.

И генерал вспомнил опыт гражданской войны. При ударах превосходящих сил белогвардейцев не раз возникали на его глазах аналогичные ситуации. Знал он и другое: стоило хотя бы ненадолго остановить этот поток, организовать хотя бы элементарное управление, и из этой отступающей массы тотчас же начнет выкристаллизовываться боевая часть, начнут собираться боеспособные войска. Сколько раз так бывало! Надо любой ценой остановить, хотя бы временно стабилизировать положение на этом участке.

Витебск был уже недалеко. Но обстановка в городе оставалась неясной. Встречные давали самые противоречивые свидетельства.

— ...Давно у немцев...

— ...Идут бои на окраинах.

— ...Говорят, что немецкие танки уже за рекой и вот-вот здесь появятся.

Генерал принял решение. Он вышел из машины, снял плащ, чтобы видны были знаки различия в петлицах, начал останавливать отступающих, обращаясь прежде всего к тем, кто выглядел как кадровый боец. Говорить старался спокойно. Приказы отдавал вполголоса.

Этот строгий уверенный тон генерала вселял уверенность в людей. Они даже с радостью подчинялись его целеустремленной воле. К Витебску Конев прибыл не один. За его вездеходом двигалось подразделение пехотинцев. Артиллерийская батарея. Три тяжелых танка «КВ».

С этими силами он и вступил в город, оказавшийся пустым. Не было ни наших, ни немцев. Город уже эвакуировался. В разных местах полыхали пожары — последствия бомбежек.

На центральной площади у здания обкома партии Конев увидел командира и нескольких бойцов, настороженно смотревших на него.

— Вы кто такие?

— Майор Рожков из 37-й стрелковой дивизии,— все еще держа руку у кобуры с пистолетом, ответил командир.

37-я дивизия! Проходя службу в Белорусском военном округе в 30-е годы, Конев командовал именно этой дивизией. В свою очередь, он отрекомендовался майору.

— Я вас помню, товарищ генерал.

— Много у вас людей?

— Утром было двадцать человек. От границы с боем отступали. Теперь больше. Здесь, в Витебске, принял под командование роту Осоавиахима и рабочее ополчение. Отличные люди, но оружие у них старое, учебное. И патронов мало. Сейчас вот кое-что подсобрали на поле боя. Занял оборону по Западной Двине и принял на себя командование гарнизоном.

С гордостью смотрел генерал на худого небритого командира с красными от усталости глазами. Хотелось обнять этого храброго, стойкого человека. Но только пожал ему руку.

— Товарищ майор, ваши действия одобряю. Держитесь до утра. Придут подкрепления.

Он оставил в распоряжение майора Рожкова приведенных с собой пехотинцев и танки «КВ», а сам пошел на батарею, которая уже обосновалась у реки на высотке, что господствовала над городом.

Как он и ожидал, немецкая авиация с рассвета возобновила атаки на Витебск. Возникли новые пожары. А потом крупная вражеская часть на мотоциклах в сопровождении танков ворвалась с запада и направилась прямо к мосту, возле которого окопались Рожков и его солдаты. Тут неприятелю был нанесен удар. Красноармейцы забрасывали вражеские танки бутылками с горючей смесью. Как ни сомнительным кажется теперь это оружие, однако в руках смелого человека оно становилось в те дни весьма опасным. Несколько танков запылало. Артиллеристы со своей высотки поддержали Рожкова. Танки повернули назад, а мотоциклисты, те, что уцелели, их опередили. Первая атака была отбита.

Через некоторое время противник подтянул самоходные пушки и из них стал бить по батарее. Артиллеристы приняли бой. Но на их позициях уже рвались снаряды. Наблюдая обстрел, Конев понял: берут в вилку. Приказал артиллерийскому расчету отойти в укрытие. Сам прилег в окопчик метрах в пятидесяти. Командир батареи не успел выполнить его приказ, замешкался. Осколок настиг его и сразил.

Тогда командующий армией принял на себя управление

огнем. В эти минуты в нем как бы жили два человека: командир батареи и полководец. Один из них давал цели, направлял огонь орудий, другой в то же время подытоживал в уме все увиденное в эти тяжелые сутки, то, что узнал и понял он в этом первом соприкосновении с врагом, и в мыслях его уже зрел план развертывания армии и первой ее операции.

Пока он с высотки вел огонь, одна из дивизий его армии форсированным маршем уже приближалась к Витебску...

Много малых и больших сражений провел маршал Конев в дни Великой Отечественной войны. Но этот первый бой в Витебске он запомнил особенно четко.

— Как говорится, лиха беда начало,— рассказывал он.— И простить себе не могу. Потерял я тогда из виду того самого майора Рожкова. Фамилию его запомнил, а имени и отчества не знаю. Узнавал о нем потом, наводил справки. Нет, затерялись его следы. А жаль, очень жаль — достойный офицер.

КОМАНДУЮЩИЙ ФРОНТОМ

Кто из людей военного поколения не помнит лаконичных сообщений Советского Информбюро о действиях частей под командованием генерала Конева на Западном направлении. Не расшифровывались тогда ни места действий, ни масштабы операций, ни сами эти успехи. Но в потоке горьких новостей тех дней, которые по утрам приносило радио, с надеждой и радостью звучали эти глухо поданные новости. И люди воспринимали их как предвестия больших наступлений, которых с таким нетерпением ждала страна. Теперь, разумеется, можно расшифровать эти сообщения. Речь шла о действиях подтянувшейся к фронту свежей 19-й армии.

10 июля перешли в наступление на Витебском направлении дивизии 19-й армии. Противник не ожидал их удара и поспешно отошел. В ходе боев фашистская группировка, вклинившаяся в расположение советских войск, была разгромлена. Продвижение врага на Рудню и Сураж приостановлено.

На центральном участке советско-германского фронта развернулась грандиозная оборонительная операция, вошедшая в историю Отечественной войны как Смоленская. И в том, что в те дни наступление гитлеровцев на Москву захлебнулось, важную роль сыграла 19-я армия, дравшаяся с врагом у Ярцева и Духовщины и достигшая в этих сражениях некоторых успехов.

По масштабам гигантского фронта, растянувшегося от Баренцева до Черного моря и измеряемого тысячами километ-

ров, это была не такая уж крупная победа. Территория, отбитая в те дни у врага,— всего несколько сожженных дотла сел и деревень. Но на западном участке фронта это была первая наступательная операция, увенчавшаяся успехом. И, как я уже сказал, скромные сообщения о ней, принесенные в ту августовскую пору сорок первого года, радовали советских людей, заждавшихся добрых вестей. В этих и других успешных действиях видели люди залог будущей победы. Поэтому моральное значение их трудно переоценить. Да, пожалуй, и военное тоже. Успех на этом участке показывал, как перемалывались уже тогда силы противника на каждом новом рубеже, обороняемом Красной Армией, и как в боях развеивался миф о непобедимости гитлеровских войск.

В этой операции И. С. Конев проявил себя как выдающийся полководец, способный руководить сражениями большого масштаба.

За успешное руководство войсками в Смоленском сражении Ивану Степановичу Коневу было присвоено звание генерал-полковника, и он был назначен командующим Западным фронтом.

— Я принял это назначение с благодарностью, но и с ощущением огромной ответственности,— вспоминает маршал.— Ведь тогда как раз гитлеровская ставка разработала операцию «Тайфун». Так Гитлер именовал замысленное им грандиозное наступление на Москву. Операцию, которую он намеревался завершить к зиме 1941 года. Для этого гитлеровское командование стянуло в район Смоленска бо́льшую и самую лучшую часть своих дивизий. Создало небывалый по мощи кулак, сосредоточило все отборное, самое боеспособное, что было в гитлеровской армии.

— Наша разведка знала об этом?

— Конечно, знала. Разведка у нас — и войсковая, и авиационная, и агентурная — работала хорошо, но что касается расшифровки замысла «Тайфуна», мне тогда еще и повезло. Привели ко мне взятого в плен немецкого летчика. Истребитель. Лихо дрался в воздухе. Когда его подожгли, тянул подбитый самолет к своим и выпрыгнул из него в самую последнюю минуту. Ас. Кресты, ордена. Перед фамилией — аристократическое «фон». Из военной элиты. Держался смело. Даже нагло. Заявил, что не считает нужным скрывать подготовку грандиозной операции. Сказал, что в Смоленске побывали не то Геринг, не то Гитлер. Кто, он точно не знал. Заявил, что офицерам объяв-

лен приказ о форсировании захвата Москвы, и прибавил, что, по его убеждению, это произойдет к ноябрю. Словом, все выложил. А главное, слова аса, как говорят разведчики, «перекрывались» разведывательными данными. Причем мы знали и о том, что у противника на этом участке больше живой силы, нежели у нас, неизмеримо больше техники и, конечно же, транспортных средств.

— И при всем том вас не покидала никогда уверенность? Вы сами все время были твердо уверены в победе?

Маршал задумывается и, как бы взвешивая слова ответа, негромко говорит:

— Уверен. На войне ведь не все решается количеством войск. Главную роль в исходе операции решает их качество.

— Но ведь немецкая армия была отлично обучена, опьянена легкими победами в Западной Европе. Ну, а дисциплинированности немцам не занимать.

— Качество солдата — это не только его умение стрелять, выполнять боевой устав и знать технику, словом, бить врага. Это прежде всего боевой дух, его сознательность, его патриотизм, его идейность. Да, и особенно идейность, что чрезвычайно важно в боевых испытаниях. А что касается количественного превосходства, то еще Суворов учил нас воевать не числом, а умением. Дальнейший ход войны подтвердил справедливость этого. Ведь и Калининская операция, участником которой вы были, увенчалась успехом, хотя мы не имели количественного превосходства. Наиболее честные западные военные историки признают это. Правда, у них всегда такое объяснение: в поражениях немцев виноваты их интенданты — не подвезли вовремя теплую одежду, обувь, машины оказались неспособными двигаться по занесенным снегом дорогам,— то есть разгромили немцев, мол, не советские солдаты и военачальники, а генерал Мороз. Известная песенка. Но ведь и нашим солдатам случалось воевать в башмаках с обмотками. И у нас в госпиталях хватало обмороженных. Генерал Мороз — он никого не щадил. Дух, боевой дух и высокая идейность, коммунистическая идейность — вот что составляет главное и решающее преимущество советского солдата, делает его самым стойким солдатом в мире. Все это в гигантских масштабах увидел мир, когда гитлеровский «Тайфун» надвигался на Москву.

СВИДАНИЕ ПОД ХАРЬКОВОМ

После Западного фронта И. С. Конев командовал Калининским, вновь Западным, затем Северо-Западным, потом Степным фронтами.

Я уже рассказывал о том, как, освободив мой родной город Калинин, он диктовал мне статью в «Правду». И вот сейчас, когда я пишу об этом полководце, вспоминаю встречи и беседы с ним, мне приходит на память и короткое свидание у стен Харькова, когда войска Степного фронта начинали штурм этого города.

Приехав из Москвы в украинскую деревеньку под странным названием Малые Проходы, где располагался в те дни штаб Степного фронта, я позвонил по телефону командующему и попросил разрешения представиться, как говорят военные, «по поводу прибытия».

— Командующий просит тебя зайти в четырнадцать ноль-ноль,— минуту спустя сообщил мне его адъютант, подполковник Александр Соломахин, прослуживший с Коневым всю войну. Сообщил и добавил: — Давай-ка сверим часы, а то у вас, у журналистов, они частенько отстают.

В шутке этой был известный смысл. Везде и во всем Конев был точен, сам никогда не опаздывал и терпеть не мог, когда опаздывали другие. Минутная задержка могла сорвать всю встречу. Он тотчас же брался за другое дело, и проникнуть к нему было уже невозможно.

К назначенному сроку я был на месте. Соломахин взглянул на часы: еще минута. Потом скрылся за дверью в светелке.

— Командующий ждет. Проходи.

Командующий поднялся из-за стола и пожал мне руку:

— Прибыли? Ну здравствуйте! Сколько не виделись? С год? Но какой год-то был! Сталинград, Курская дуга. Мы ведь с вами последний раз встретились под Ржевом. Так?

— Совершенно верно.

Зазвенел телефон. Конев взял трубку.

А мне как-то очень отчетливо вспомнилась эта последняя встреча — необычайный ливень, превративший поля в болото, и наши танки, застрявшие в этой трясине, и немецкая артиллерия, расстреливавшая с ржевских высот прицельным огнем плененные грязью машины. В высоком военном, неведомого звания, ибо намокшая, залубеневшая плащ-палатка закрывала погоны, шагавшем по раскисшей пашне и опиравшемся на суковатую палку, узнал я командующего. Конев шел на наблюдательный пункт танковой бригады организовывать спасение застрявших машин.

— Помню, помню. Тяжелые были бои. Растерялись танкисты. Задал я им тогда перцу. А танки все-таки удалось спасти. Вытащили ночью их...

Рабочий кабинет командующего, как всегда у него, был просто светелкой в обычной чистенькой украинской хате. Все хозяйское оставалось на месте. Иконы в углу, обрамленные, по здешнему обычаю, богато вышитыми рушниками, пожелтевшие венчальные свечи возле них и даже пучок вербы, посиневшей от времени, выгоревшие базарные олеографии с лебедями и беседками и Иисус Христос — писаный красавец, шагающий по водам. Фотографии хозяев в черных рамах, рассыпанные по белейшим стенам. Все это как бы подчеркивало временность этого бивачного жилья, которое ничем не отражало характера и вкуса человека, в нем теперь обитающего.

Своего у командующего было здесь разве что раскладной походный стол, будто скатертью, накрытый картой, исчерканной синими и красными овалами и стрелами. Два таких же походных стула. Телефоны — один в деревянном футляре, полевой, другой — белый, блещущий полировкой и никелем,— высокочастотный, по которому командующий связывался с командармами и со Ставкой. Тут же, с правой стороны, остро отточенные карандаши, торчащие из стакана, лупа, большие роговые очки оглобельками вверх. На стене деревянная, тоже складная, полка, на которой я успел различить корешки военных и литературных журналов. Томик генерала Драгомирова о Суворове. Книга

Карла Клаузевица «О войне». Я взял ее и стал листать, чтобы не мешать разговору командующего по телефону. Книга оказалась читаной. На полях пометки, некоторые фразы подчеркнуты.

Дверь слева вела в личную комнату генерала. Собственно, это была не дверь, а проем. Жилье обставлено с солдатским аскетизмом. Узенькая койка, застланная шерстяным шершавым одеялом, обеденный столик, покрытый накрахмаленной скатертью, радиоприемник — единственная дорогая здесь вещь.

Наконец командующий кончил разговор. Положил трубку, взял лупу, что-то пристально рассмотрел на карте, привычным движением карандаша с удовольствием удлинил одну из красных стрелок, вонзавшихся в линию вражеской обороны. Потом увидел, что я листаю Клаузевица, и усмехнулся:

— Удивляетесь? Немца читаю, да? Не читаю, а перечитываю. И много, между прочим, полезного нахожу. Умнейший был немец. Сейчас у них такого нет. А Клаузевица даже Ленин считал одним из великих военных писателей...— Он помолчал.— Так, значит, явились? Вовремя явились. А мы тут, между прочим, повоевали...

Коротко рассказал о наступлении на Белгород, о взятии этого города и отдельными, очень точными штрихами обрисовал ситуацию, сложившуюся в районе Харькова. Говорил он, по своему обычаю, короткими фразами, пересыпая их пословицами и военными афоризмами. Были, помню, среди них такие: «Неожиданность при наступлении — половина удачи...»; «Хитрый в бою сильного пересилит...»; «Обстрелянный боец десяти новобранцев стоит...»; «В лоб только дурак бьет, да и то с испугу...»; «Рубить, так с плеча, на полувзмахе не останавливаться».

Говоря о решающей фазе Харьковской операции, которая уже развертывалась, образно представил ее так:

— Сейчас мы взяли их за горло и душим. Они только хрипят... Но еще сильны, очень сильны. Нам рано драть шкуру с неубитого медведя. Это учитывайте, когда будете сегодня писать.

И тут он показал на карте, как части взаимодействующих фронтов зажали Харьков в широкие клещи и как войска, наступающие с северо-запада и востока, сводят концы этих клещей. Потом взглянул на часы и прервал беседу:

— Извините.— И крикнул адъютанту: — Соломахин! Пятнадцать ноль-ноль. Машины готовы? Едем.

Под окном уже ревели моторы. Торопливо влезая в дорожный, защитного цвета комбинезон, он на ходу рассказывал:

— Здесь еще будет много сложных ситуаций. Но главное сделано. Артиллерийское наступление оглушило их, подавило их оборону. Ну, а теперь, как ваш брат любит писать, сосредоточенными силами Манагарова, Шумилова, Крюченкина фронт неприятеля блистательно прорван. Танки вливаются в прорыв... Что будет дальше — увидим. Ну, желаю успеха!

Когда я шел по улице, меня обогнали три вездехода: командующий спешил к Харькову, туда, где неприятель пытался разжать, развести охватывающие его клещи.

Начиная с этой беседы у Харькова и до конца войны я уже без перерыва находился на фронтах, которыми командовал Конев, и имел возможность наблюдать его полководческую деятельность.

ПОЛКОВОДЧЕСКИЙ ПОЧЕРК

У хороших полководцев, как и у хороших писателей, есть свой творческий почерк. Скажем, все мы, советские писатели, работаем методом социалистического реализма. Но каждый при этом пишет по-своему, имеет свою тему, своих героев, свой язык, свое творческое лицо. Все советские полководцы осуществляли в боевых делах принципы нашей советской военной стратегии, которая, как убедительно показал это опыт второй мировой войны, явилась самой передовой стратегией современности.

Но при этом каждый полководец, если он, конечно, был настоящим полководцем, по-своему, своими способами решал задачи, поручаемые ему Ставкой Верховного Главнокомандования.

Был свой особый почерк и у маршала Конева. Очень индивидуальный, ярко выраженный почерк, который можно проследить во всех проведенных им операциях.

Западный, Калининский, Степной, 2-й Украинский, 1-й Украинский фронты. Сотни боев, десятки сражений, оборонительных и наступательных операций, главным образом наступательных, провел он в дни Великой Отечественной войны.

Простое перечисление их займет немалое место. Контрудар 19-й армии в районе Ярцево-Духовщина, нанесенный летом 1941 года... Начало оборонительного сражения на Московском направлении... Калининская операция, закончившаяся разгромом левого фланга огромной группировки, созданной Гитлером для захвата Москвы... Освобождение Калинина... Мощный рывок частей Калининского фронта с выходом на самую запад-

ную точку нашего первого зимнего наступления... Участие в Курской битве... Освобождение Белгорода, проведенное совместно с войсками Воронежского фронта... Харьковская операция... Стремительное наступление через всю Левобережную Украину, освобождение Полтавы, Кременчуга... Форсирование Днепра, форсирование, проведенное с ходу и на широком фронте... Прорыв немецкого «Восточного вала» на Днепровском правобережье... Стремительный рывок за Днепр, в район Криворожья... Освобождение Пятихатки, Кировограда, Знаменки, Александровки... Окружение и разгром мощной неприятельской корсунь-шевченковской группировки... Уманская операция... Форсирование Южного Буга, Днестра, Прута и первый выход за советскую государственную границу — перенесение огня войны на землю неприятеля... Новый рывок, проведенный в районе Брод... Освобождение Львова, Станислава... Выход на Вислу и захват за этой рекой так называемого Сандомирского плацдарма... Освобождение Кракова... Охват Верхней Силезии и прорыв на Саксонию... Операция войск фронта, проведенная в поддержку Словацкого восстания, знаменитые бои у Дуклинского перевала... Гигантская, совместно с войсками 1-го Белорусского фронта, операция по окружению и взятию Берлина...

И наконец, уже после того как Германия капитулировала, стремительный марш-маневр, осуществленный силами двух танковых и трех общевойсковых армий, через чешские Рудные горы, закончившийся разгромом огромной группировки Шернера, не подчинившейся капитуляции, и освобождением Праги.

Вот далеко не полный перечень операций, в которых участвовали войска фронтов, которыми командовал Иван Степанович Конев.

Каждая из этих операций — значительная глава в истории Отечественной войны. И вот сейчас, знакомясь с боевыми документами, приказами, донесениями, с лентами телеграфных переговоров, с записями разговоров по телефону, рассматривая старые боевые карты, можно почувствовать, понять полководческий почерк маршала Конева, который является отражением передовых концепций советской военной стратегии, концепций, талантливо и умело осуществленных.

Ни одна из операций, в сущности, не походит на другую. Каждая развертывалась в особых условиях. Но во всех этих операциях можно найти сходные черты.

И это прежде всего тщательное изучение сил противника в намечаемом месте прорыва. Детальнейшая разведка. Развед-

ка войсковая, воздушная, агентурная и, наконец, командирская разведка на местности.

Генерал армии Иван Ефимович Петров, бывший в конце войны начальником штаба 1-го Украинского фронта, образованнейший человек, сам командовавший до этого и армией, и группой войск, и фронтом и понимавший толк в полководческом искусстве, говорил как-то мне в своей своеобразной, так сказать, староинтеллигентской манере:

— У нашего командующего, дорогой мой Борис Николаевич, удивительная память. И, если хотите, особый дар видеть поле сражения. Есть, голубчик мой, шахматисты, которые могут играть, не глядя на доску: вся доска, все расположение фигур у них в уме. Так и он может представить себе расстановку частей, не глядя на карту. И даже точно сказать, что против них стоит и на какой местности. Каждый раз он меня этим удивляет...

Это было действительно так. Однако при всем том сам Конев вопреки этому своему дару исповедовал другую истину.

— Изучение противника и плацдарма будущего наступления надо проводить не отвлеченно, а визуально,— учил он подчиненных.— Все надо предварительно осматривать и заранее прикидывать в уме. Все возможные варианты, которые могут возникнуть в ходе боя. Недаром говорят: не зная броду, не суйся в воду... Полководец должен не стесняться ползать на брюхе по передовой, чтобы правильнее и полнее использовать всю мощь артиллерийского огня, точно направить удары танков, увидеть собственными глазами подходы к врагу и заранее представить себе все трудности, какие могут создаться, когда наступающие части пойдут в решающую атаку. Полководец обязан обдумать, как устранить эти трудности и обеспечить продвижение. Без этого не создашь нужный план наступления.

Сколько раз в течение войны видели солдаты своего командующего за «обползыванием» переднего края. Освобождением Калинина руководил он с наблюдательного пункта полка у пригородной деревушки Змеево в дивизии генерала Горячева.

В дни боев за Полтаву на берегу Ворсклы, куда была выброшена группа охранения полка, которому предстояло форсировать реку, мне довелось невольно подслушать такой разговор.

Хриплый возбужденный голос убеждал кого-то в предутреннем тумане:

— Он, ей-богу, он, товарищ майор... Он, Конев. Провалиться мне на этом месте. Вот, где вы стоите, он тут и стоял. И все биноклем по тому берегу шарил. Как только они сюда к нашему

окопчику вышли, я сразу сообразил: большое начальство. Автоматчики с ним и генерал какой-то рослый, грузный, и белявенький подполковник возле вертится. Подошли, я, как полагается, и рапортую. Так, мол, и так. Минометы под командованием сержанта Кулакова ведут прицельный огонь по позициям противника на том берегу. Ответным огнем убит командир — лейтенант Савушкин. Три бойца ранены. Принял командование на себя. «Цель знаете?» Доложил ему координаты. А он: «Молодец, старший сержант, ваши действия одобряю». Немец, должно быть, голоса, что ли, услышал. Стал по нашим позициям снарядами плеваться. Рвутся снаряды тут, там, а он, командующий, и ухом не ведет. Этот грузный генерал ему: «Товарищ командующий, сойдите в окопчик». А он без внимания; спрашивает, давно ли служу. «Захватили еще гражданскую?» Тут два снарядышка возле хряпнули, песком по нас полыхнуло. Ну, говорит, старший сержант Кулаков, это он вилку сдвинул. Это уже по нас. Пора тебе в окоп лезть. И ушел.

— Откуда же знаешь, что это именно командующий фронтом? — спросил другой голос.— Путаешь ты что-то. Зачем командующего на передовую занесет? Его место в штабе или на НП.

— Никак нет, товарищ майор, не путаю. Потом этот белявенький подполковник к нам вернулся. Данные мои для чего-то записал. Я у него спросил, кто они, мол, будут. А тот прямо так и сказал: «Чудак, командующего фронтом не знаешь». И еще спросил я подполковника, почему он меня старшим сержантом назвал, разве лычек моих не видно? А подполковник сказал: «Стало быть, будешь теперь старший сержант». Вот ведь как...

Это было одним из визуальных изучений плацдарма, в данном случае места предполагаемого форсирования Ворсклы. Маршал Конев шутливо называл такие рекогносцировки «обползыванием передовой на брюхе».

НА САМОМ ОСТРИЕ

Другая и тоже очень характерная черта полководческого характера Конева заключается в том, что, как бы хорошо ни было организовано управление сражением, в особо ответственную пору он всегда старался находиться на самом остром направлении. Именно там, где решался успех.

Это мне хочется проиллюстрировать двумя примерами. Об одном до сих пор с благодарностью вспоминают мои земляки-калининцы.

Фронт обороны против гитлеровских армий в разгар операции «Тайфун» растянулся почти на пятьсот километров. Для координации сил обороны Западный и Резервный фронты были слиты и командование этим огромным объединенным фронтом было поручено тогда генералу армии Георгию Константиновичу Жукову. Конев стал его заместителем. Очень тяжелая в те дни обстановка сложилась на Калининском направлении, где фронт, по существу, оказался открытым. Конева туда и направили с чрезвычайными полномочиями.

Он выехал на место 12 октября с двумя офицерами, шифровальщиком, подвижной радиостанцией и, прибыв в Калинин, выяснил, что войск там нет и даже противовоздушная оборона слабо организована. Весь просторный двор военкомата оказался забитым женами, матерями, детьми военнослужащих, не знавшими, как им быть, старавшимися выяснить, что им делать. Военком, в общем-то толковый, деятельный офицер, не знал, что ответить. Обстановка на фронте не была ему известна даже приблизительно. А слухи наплывали один на другой: между

Калинином и Москвой неприятель выбросил большой воздушный десант... целые подразделения немцев будто бы бродят по городу, переодетые в нашу форму... перерезана железная дорога... Точно было известно лишь то, что немецкие танки прошли город Зубцов и движутся в направлении Калинина и Москвы. Конев прикинул в уме: стало быть, в Калинине они могут быть через два-три дня.

А во дворе женщины и дети с надеждой смотрели на военкома и на прибывшего из Москвы большого начальника. То и дело разыгрывались драматические сцены. И тут генерал Конев применил старый прием, о котором сам вычитал когда-то в книге о Суворове.

— Прикажите принести койку в ваш кабинет, хочу отдохнуть с дороги.

А когда койку принесли, снял сапоги, не раздеваясь, прилег на нее, укрылся шинелью.

Сразу стало известно, что заместитель командующего фронтом отдыхает. Спит. И хитрость эта удалась, сразу же успокоила людей во дворе. Все разошлись по домам и рассказали об этом и в городе.

А между тем Конев уже сидел в обкоме, в кабинете секретаря Ивана Павловича Бойцова — энергичного, очень авторитетного человека, который вскоре стал членом Военного совета и с которым Ивана Степановича связала потом фронтовая дружба. Они были и до этого знакомы, встречались на пленумах Центрального Комитета партии. Бойцову, разумеется, уже донесли о прибытии генерала, и он встретил его недоуменным вопросом:

— А мне доложили, что вы там в военкомате сны смотрите.

Посмеялись и стали обсуждать создавшееся положение. Очень острое положение.

— Вы знаете, что противник в одном-двух переходах от города?

— Знаю. Войск в городе нет,— сказал секретарь обкома.— Мобилизую коммунистов. Начал эвакуацию ценностей и заводов. Поставил задачу, чтобы к утру все было готово. Рабочее ополчение выдвинуто на Старицкое шоссе. Стоят насмерть почти необученные бойцы. Да и с оружием у них не густо: старые винтовки и бутылки с горючей смесью.

— Делайте все, что можете. Еду организовывать войска.

Используя свои чрезвычайные полномочия, Конев остановил на станции эшелон с частями дивизии генерала Поленова, приказал им выгрузиться и немедленно занять оборону к западу и

юго-западу от города. Затем дивизия генерала Горячева получила приказ: форсированным маршем двигаться к Калинину.

Конев понимал, что Калинин для немцев был не самоцелью, а лишь этапом на пути продвижения к Москве. И представлял, что замысел гитлеровского командования на этом участке состоит в том, чтобы вбить клин во фронт нашей обороны, разделить Западный и Северо-Западный фронты, лишить их взаимодействия и тем самым парализовать значительную часть сил.

Командарму Юшкевичу было приказано занять дивизией Горячева оборону ближе к Калинину, а остальными дивизиями форсированным маршем двигаться из Селижарова на Торжок, чтобы предотвратить поворот фланга наступающих немцев на север — на город Бежецк.

Ночью Конев приехал в Ржев, в армию генерал-лейтенанта Масленникова. Это было в стороне от линии наступления. Генерал, только что вернувшийся из бани, благодушно пил чай. Заместитель командующего фронтом застал его врасплох.

— Вашей армии,— сказал Конев,— приказываю всеми дивизиями перейти через Волгу и ударить по тылам наступающего врага.

У Конева уже тогда созрел план активной обороны, которая помогла бы задержать наступающих.

Сам город удержать не удалось. Но и гитлеровцам не удалось осуществить свой замысел. Солдаты вовремя выдвинутой вперед дивизии генерала Горячева встали насмерть на северо-восточной окраине города. Продвижение противника в этом направлении было задержано. Фронт здесь застыл. А прибывшая с Валдая танковая бригада полковника П. А. Ротмистрова, за сутки проделавшая труднейший марш-маневр, с ходу приняла на Ленинградском шоссе встречный бой с авангардами танковой группы генерала Гота, разбила их в этом бою, заставила откатиться за Волгу и, таким образом, сорвала намечавшийся по плану «Тайфун» удар на Бежецк и Бологое.

Так, в решающие эти дни в поразительно короткие сроки вокруг Калинина была сосредоточена значительная группа войск. В Ставку было доложено: авангарды Гота на отрезке шоссе Калинин — Медное разгромлены. Северо-восточнее города организован сплошной стабильный фронт.

Штаб-квартиру свою в те дни Конев расположил в деревеньке Змеево, как говорится, в двух шагах от окраины оккупированного города. Тут, сидя на завалинке избы, он в полевой книжке и написал донесение обо всех принятых мерах. Передал и спустя

некоторое время попросил вызвать к проводу начальника Генерального штаба.

«Просим к проводу начальника Генштаба»,— выстукал шифром телеграфист.

«Обождите,— ответно застучал телеграф.— У аппарата Сталин».

Аппарат продолжал стучать, на полу завивалась лента. Взволнованный телеграфист докладывал: «Заслушав ваше сообщение, Ставка решила образовать Калининский фронт в составе 30, 31, 29 и 22-й армий и отдельных дивизий, расположенных на этом направлении. Командующим фронтом назначен генерал-полковник Конев. Желаем успеха. Сталин. Шапошников».

Так этим неожиданным приказом получила оценку энергичная деятельность генерала Конева, успевшего на острие событий как бы сшить этот фронт из отдельных разрозненных лоскутов.

5 декабря, за день до общего контрнаступления под Москвой, войска самого молодого, только что созданного фронта форсировали Волгу и перешли в наступление против 9-й полевой армии генерала Штрауса и 3-й танковой группы Рейнгардта, сменившего Гота после того, как его авангарды были разбиты и отброшены за Волгу решительными ударами подошедших резервов. Наступление началось против всего левого фланга немецкой группы «Центр» и правофланговых дивизий армий «Север». Бешеное сопротивление, оказанное на рубеже Волги, было сломлено. Город Калинин, который армии генералов Юшкевича и Масленникова взяли в клещи, был освобожден, и наступление продолжалось в западном направлении.

Интересно взглянуть на это первое наступление Калининского фронта глазами врага. Такая возможность теперь есть. Один из немецких стратегов, начальник генерального штаба сухопутных войск тех дней генерал-полковник Гальдер, принимавший самое активное участие в разработке плана «Барбаросса», как именовался по гитлеровскому коду план завоевания Советского Союза, вел дневник. Опытный генерал вермахта в этом, ныне опубликованном дневнике, разумеется отнюдь не предназначавшемся его автором для постороннего глаза, по существу, уже в начале войны признал крах блицкрига — молниеносной войны,— на котором зиждился весь план «Барбаросса».

Вот этот-то генерал, под влиянием развернувшихся военных событий вынужденный давать высокую оценку исключительной

стойкости и мужеству Советской Армии и советского народа, так писал о начале наступления Калининского фронта:

«5 декабря. Противник прорвал наш фронт в районе восточнее Калинина... Фон Бок сообщает: силы иссякли.

8 декабря... Северо-западнее Москвы начала действовать 20-я русская армия... В районе восточнее Калинина в наступление перешло семь дивизий противника... Я считаю этот участок фронта самым опасным...

9 декабря. Крайне сильный нажим противника юго-восточнее Калинина, видимо, позволит ему вновь овладеть городом.

15 декабря. Серьезный разговор с главкомом[1] по вопросам, связанным с обстановкой. Главком выглядит очень удрученным. Он не видит больше никаких средств, с помощью которых можно было бы вывести армию из нынешнего тяжелого положения.

17 декабря. На участке 9-го армейского корпуса, по-видимому, творится безобразие. Часть дивизий отошла, а часть осталась на прежних позициях. Потеряно большое количество тяжелых орудий и транспорта».

Ну что же, с этими оценками результатов наступления Калининского фронта нельзя не согласиться.

---

[1] Речь идет о разговоре с главкомом сухопутных войск фельдмаршалом Браухичем, вернувшимся из поездки на фронт в группу армий «Центр».

СТАЛИНГРАД НА ДНЕПРЕ

Творческий дар Конева как полководца в сочетании с его смелой инициативой проявился с особой выразительностью и два года спустя при проведении боевых операций в среднем течении Днепра, в районе Корсунь-Шевченковского.

Операция эта развернулась в январе — феврале 1944 года в условиях невероятной распутицы, когда был прорван так называемый «Восточный вал», сооруженный неприятелем на Днепре. При этом гитлеровцам удалось удержаться в среднем течении Днепра, в стыке между 1-м и 2-м Украинскими фронтами. Образовался так называемый Корсунь-Шевченковский выступ. Гитлер, не мирившийся с потерей «Восточного вала», приказал любой ценой сохранить плацдарм. Он надеялся осуществить из этого района удар по флангам войск 1-го и 2-го Украинских фронтов, далеко углубившихся в пределы Правобережной Украины, и тем самым восстановить оборону по Днепру. Для обороны этого участка были стянуты крупные силы — одиннадцать пехотных и две танковые дивизии, моторизованная бригада СС «Валония», четыре дивизии штурмовых орудий.

Командующий немецкой группой армий фельдмаршал Манштейн получил один за другим три приказа: ни в коем случае не отдавать плацдарм!

Ставка Верховного Главнокомандования Советского Союза поставила перед 1-м и 2-м Украинскими фронтами задачу окружить и уничтожить эту группировку противника. И вот за спиной вражеских дивизий, прикованных Гитлером к Днепру, удар-

ные соединения двух советских фронтов с боями стали продвигаться навстречу друг другу. Повторяю, наступление шло в невероятно трудных условиях, несмотря на чудовищную распутицу. В результате этого встречного движения вокруг немецкой группировки были созданы как бы два кольца окружения: внешнее и внутреннее. В кольце, как потом было подсчитано, оказались замкнутыми восемьдесят тысяч вражеских солдат, тысяча восемьсот орудий, двести семьдесят танков — большие боевые силы, хорошо снабжавшиеся с воздуха.

Гитлер, узнав о новом «котле», послал по радио командующему окруженной группировкой генералу Штеммерману приказ, который был нами перехвачен: «Можете положиться на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из «котла», а пока держитесь до последнего патрона».

Во избежание излишнего кровопролития Советское командование предъявило войскам неприятеля ультиматум: сложить оружие. Но это гуманное предложение было отклонено.

На выручку окруженной фашистской группировке были брошены свежие танковые части. Не очень еще плотное кольцо окружения противник стал энергично таранить ударами этих танковых частей. Генерал Штеммерман, воин старой, рейхсверовской школы, человек решительный и инициативный, создал внутри кольца мощную ударную группу, усилил ее танковой дивизией СС «Викинг», отборным мотополком «Германия» и моторизованной бригадой СС «Валония». Эту группу он бросил на свой правый фланг, нацелив на одну из армий 1-го Украинского фронта. Ценою немалых жертв ему удалось прорвать оборону внутреннего кольца и занять села Хилки, Шандеровку и Ново-Буды. Расстояние между окруженной и деблокирующей группировками противника сократилось здесь до двенадцати километров, создалась прямая угроза прорыва кольца окружения.

Все это происходило за разгранлинией 2-го Украинского фронта, которым командовал Конев.

Переступать разгранлинию в боевых действиях, в общем-то, не полагается. Несмотря на это, Конев самостоятельно принял решение помочь соседу и отдал приказ о соответствующем перемещении своих войск. Раздумывать было некогда. Надо было предупредить прорыв. И, как оказалось, действуя так, Конев поступил правильно. Ночью в его штаб-квартире в деревне Болтышка зазвонил телефон правительственной связи. Между командующим 2-м Украинским фронтом и Верховным Главнокомандующим произошел такой разговор:

С т а л и н. В Ставке есть данные, что окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим. Вы знаете обстановку у вашего соседа?

К о н е в. Не беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в «котел», мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

С т а л и н. Это вы сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией фронта.

К о н е в. Да, по своей, товарищ Сталин.

С т а л и н. Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам о своем решении сообщу.

И вот теперь, в решающий час борьбы, Конев, по обыкновению, выбросил свой наблюдательный пункт на это угрожаемое место в кольце, в деревню Толстое, над крышами которой летали снаряды и мины.

Решение принято. Но как туда добраться? Распутица. Колесным транспортом двигаться невозможно. Даже танки буксуют. Самолетом? Но как вылететь? Подняться с фронтового летного поля самолет еще мог, а вот приземлиться казалось невозможным: подтаявший снег слишком глубок, не примет ни колеса, ни лыжи.

А время не ждало. Конев вызвал к себе самых опытных летчиков эскадрильи связи: «Ищите выход». И нашли. Выложить место посадки для лыж соломой, чтобы самолет не провалился в снег. Был отдан соответствующий приказ. Два самолета поднялись в воздух и взяли курс на деревню Толстое. По пути они были атакованы «мессершмиттами». Самолет, на котором летел адъютант, был подбит и сделал вынужденную посадку. Самолет командующего ушел от преследования в облака тумана и благополучно приземлился на участке, выложенном соломой.

Да, деревенька Толстое была мало приспособлена для штабной работы. Но связь с ней была хорошая. Конев сразу вошел в контакт с командующими армиями обоих фронтов, действующих на этом участке. Четко проведенная разведка позволила точно определить место, где ударные группы Штеммермана, с одной стороны, и 1-й немецкой танковой армии, с другой, намеревались прорвать кольцо окружения и соединиться. По приказу Конева авиация всеми наличными силами, несмотря

на завязавшуюся метель, атаковала с воздуха обе эти группы и проутюжила на дорогах компактные массы неприятеля. Стрелковые части снова отбили у немцев ключевое село Шандеровку.

Потом на заре в бой были введены артиллерийские соединения, они били по скоплениям врага в оврагах и балках. Танки генерала Ротмистрова в буквальном смысле утюжили неприятельские колонны, находившиеся на марше. Кавалеристы, действуя без дорог, по снежной целине, шарили по оврагам, балкам, уничтожая или забирая в плен тех, кто небольшими группками старался уйти малозаметными тропами.

Это были у Конева, пожалуй, самые напряженные сутки за всю войну. Грохот непрерывной артиллерийской дуэли разносился с севера на юг. Когда стихал шум ветра и переставала кружить метель, становился слышен гул самолетов, становилось видно, что весь горизонт вокруг деревни в кровавых заревах пожарищ.

Мне пришлось в ту ночь пешком добираться до деревни Толстое. Моя редакция, очевидно отдавая отчет в огромном значении новой схватки, разыгравшейся на Днепре, приказала мне взять у генерала Конева хотя бы несколько слов для корреспонденции об этой операции. Куда там! Генерал отмахнулся от меня, как от комара: «Потом, потом, цыплят по осени считают». В первый раз я видел его тогда небритым. Сорванным голосом он отдавал по телефонам приказы. Принимал оперативные сводки. Сам наносил обстановку на карту. Новые решения передавались в армии фронта. Иногда он застывал над картой, должно быть стараясь угадать: а что же предпримет Штеммерман. В один из таких моментов он наткнулся на меня.

— Ну что вы под ногами путаетесь?

— Одно слово... Самое важное сегодня?

— Не выпустить! Всех захлопнуть, никого не выпустить! — хрипловато бросил он и вновь склонился над картой.

— Поимей ты совесть, он третьи сутки голову на подушку не клал,— сердился мой друг подполковник Соломахин.

Командующий продолжал работать. На основе вороха новых и новых данных, стараясь угадать замысел Штеммермана, Конев уже хорошо представлял, что это не только знающий, хитрый, но и волевой противник. Знал, что он не сдастся и до последнего будет выполнять приказ Гитлера, хотя «каменная стена», на которую ему предлагалось опереться, явно уже трещала. Что же, что он придумает? Каким будет его следующий ход?

И полководец принимал меры, чтобы своевременно предупре-

дить все возможные варианты. В финале Корсунь-Шевченковского сражения, как мне кажется, с особой ясностью проявилось умение Конева почувствовать или, точнее, определить критический момент сражения, умение, которое в сочетании с его настойчивостью и волей и на этот раз привело к победе.

Когда битва, названная в народе вторым Сталинградом, Сталинградом на Днепре, пришла к победоносному концу и по разбитым, раскисшим дорогам двинулись бесконечные вереницы пленных, глубокой ночью в маленькой хатке в деревне Толстое, где после доклада в Москву о разгроме корсунь-шевченковской группы на соломенном тюфяке, не снимая мокрого комбинезона, прилег командующий, раздался мелодичный звонок высокочастотного телефона. Вот отрывок из разговора, который тогда произошел:

Сталин. Поздравляю с успехом. У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?

Конев. Благодарю, товарищ Сталин.

Сталин. Ну хорошо, отдыхайте. Устали, наверное?

Устал! Конев еле держался на ногах. Ведь в решающие моменты сражения он не раз выезжал на танке в те населенные пункты, где назревали особенно острые ситуации. Когда возвращался, не было сил стащить с себя комбинезон, и, только сбросив сапоги, он валился на койку. И вот теперь, даже как следует и не пережив радостной вести, он тотчас же уснул. На следующее утро самолет принес на фронт из Москвы свежие газеты. Там был приказ Верховного Главнокомандующего от 18 февраля, посвященный победному сражению у Корсуни. В нем, между прочим, говорилось:

«...За отличные боевые действия объявляю благодарность всем войскам 2-го Украинского фронта, участвовавшим в боях под Корсунью, а также лично генералу армии Коневу, руководившему операцией по ликвидации окруженных немецких войск».

Когда на фронте читались эти газеты, по радио уже передавали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении командующему 2-м Украинским фронтом звания Маршала Советского Союза.

...Вечером из Москвы прилетел самолет. В нем заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков прислал своему коллеге в подарок новенькие маршальские погоны.

ИНЦИДЕНТ НА ДОРОГЕ

Ивана Степановича Конева всегда отличала особая чуткость к людям, к подчиненным. Недаром один из старых солдат, служивших когда-то в полку, которым командовал Конев, отмечая эту черту, написал мне: «...к бойцам он был исключительно внимателен...»

В связи с этим хочется рассказать о небольшом, но многозначительном эпизоде, происшедшем после ликвидации корсунь-шевченковской группировки. Атаки с внешней стороны кольца окончились, битва затихала. Пора было возвращаться с наблюдательного пункта из деревни Толстое в село Болтышка, где находился штаб.

Пора-то пора, но как? Самолет, доставивший Конева сюда и счастливо севший на солому, уже погрузился обеими лыжами в размякшую землю. Вездеходы не проходили. В разгар битвы командующий ездил на танке. На великолепном танке «Т-34», который, кажется, единственный мог продвигаться по невообразимой грязи расплывшихся черноземных дорог.

Командующий снова облачился в танкистский комбинезон и шлем. Машина двинулась по местам только что отшумевшего сражения. Страшные картины, открывающиеся кругом, напоминали полотна Верещагина. На талом снегу всюду, пока хватало глаз, тела убитых. Оттепель вытащила трупы из-под снёга. И машины, вереницы машин всех марок и систем. Сожженные, искалеченные, от маленьких вездеходов, похожих на железные ко-

рытца, поставленные на колеса, до огромных «демагов», в которых размещались целые походные мастерские. На полевом аэродроме в беспорядке теснились толстобрюхие транспортные самолеты, напоминающие стаю китов, выброшенных на берег. Их впопыхах не успели ни поднять в воздух, ни сжечь. Теплый, не по сезону, ветер гонял по полям разноцветные бумаги каких-то походных канцелярий. И снова трупы в темно-зеленых шинелях — то сгустками в оврагах и лощинах, то одиночными точками, рассыпанными по полям. И колонны военнопленных... Бесконечные, иногда растянувшиеся более чем на километр, медленно двигавшиеся в тыл.

Командующий стоит, по пояс высунувшись из танковой башни. Смотрит. Победа. Большая победа. Но все это уже в прошлом. Вчерашний день. А впереди новые сражения. О них и думает маршал. Что теперь предпримет фельдмаршал Эрих Манштейн? Где, а главное, как попытается он остановить уже начатое Коневым новое наступление? Как? Какими силами? Впрочем, силы эти Коневу известны. Немалые, очень немалые силы. Разведка докладывает о подходе свежих войск противника. Где-то там движется к фронту из Западной Европы одна из трагически знаменитых танковых дивизий, только что переоснащенная новейшей техникой.

Надсадно ревет мотор. Звенят траки, меся раскисшую, густую грязь. И вдруг мотор стих. Командующий отрывается от своих мыслей. Что такое?

Танк стоит у переправы через широко разлившийся ручей. Грязь здесь так глубока, что целая колонна нагруженных грузовиков застряла на переправе. Танк стоит как бы в недоумении. Мотор работает на малых оборотах, машина дрожит от нетерпения рвануться вперед, но дорогу ей преграждает маленький человек в старой шинели с интендантскими погонами.

Приняв, очевидно, командующего фронтом за командира танка, он резким мальчишеским голосом требует, чтобы тот силой своего танка выволок застрявшие машины.

— Не можем. Торопимся,— отвечает командующий и приказывает: — Лейтенант, уйдите с дороги! — И в танк: — Водитель, трогайте!

Танк заурчал. Но лейтенант бросился наперерез машине и для убедительности даже развел руки, как будто бы он, маленький человек, в силе остановить грозную громаду.

— Ты что же, дядя, русского языка не понимаешь? — урезонивал он того, кого принимал за командира танка.— Наша

бригада бой ведет, слышишь — пушки бьют. Последние снаряды достреливает. А тебе некогда через этот вшивый ручей машины перевести? — И сорвался уже на крик: — Не пропущу, пока не поможешь! Пока жив — не пропущу, дави меня!

Из люка показались чумазые лица танкистов. Выражение их не предвещало ничего хорошего. Кто смеет задерживать командующего, да еще в разгар напряженных боев? Танк вздрогнул и попытался обойти лейтенанта. Но тот лег поперек дороги, и его примеру последовали два водителя грузовиков.

Командующий вылез из башни, спрыгнул на землю и отдал короткое распоряжение. Танк осторожно приблизился к машинам, застрявшим в ручье. И пока с помощью стального троса танк перетягивал машины через ручей, командующий шагал по протоптанной в снегу стежке, прислушиваясь к звукам артиллерийского боя, то и дело поглядывая на часы. Лейтенант бойко руководил операцией.

В это время из люка вылез невысокий белокурый подполковник в складной штабной шинельке, шепнул лейтенанту, что тот, кого он принял за командира танка, Маршал Советского Союза Конев. Задержать командующего в пути — это же ЧП фронтового масштаба!

Молодой человек оробел, подбежал к командующему, бросил руку к виску:

— Товарищ Маршал Советского Союза. Я не знал...

— Правильно действуете, лейтенант. Как фамилия?.. Пастухов?.. Соломахин, запишите его данные. Правильно действуете, старший лейтенант Пастухов. Одобряю настойчивость...

Об этом случае, как и о разговоре Конева из деревни Толстое с Верховным Главнокомандующим, нигде ничего опубликовано в те дни, разумеется, не было. Но устная молва об этом долго ходила по войскам 2-го Украинского фронта, когда они, преследуя с боями армию отступавшего противника, двигались по весеннему бездорожью к Южному Бугу.

На фронте обычно ходит немало легенд о любимых военачальниках. Я специально проверял у Соломахина, адъютанта маршала, был ли такой случай.

— Был. Простить себе не могу, что допустил эту историю. Поздно вылез из танка. Ведь «мессеры» вдоль дороги так и ходили. Знаешь, что тут могло получиться? Ну, а когда он приказал машины эти чертовы перетаскивать, что я мог сделать?

— И действительно, лейтенанта в звании повысили?

— Да. Получил он еще звездочку на погоны. Верно. Наш такие вещи помнит. Забудешь сделать — проверит, узнает, что не выполнил,— шкуру спустит. Спрашивал потом, выполнен ли его приказ.

При проведении всех операций Иван Степанович Конев, полководец с комиссарской душой, неизменно проявлял заботу о солдатах, офицерах, которые, как он всегда помнил, и решают судьбу любого сражения. Он знал, что такое моральное состояние армии и ее боевой дух. И как бы ни был занят, никогда не выпускал из поля зрения политическую работу, прекрасно понимая, что только она может обеспечить высокий наступательный порыв.

— Об армейских большевиках, о партийной работе пишите,— говорил он нам, военным корреспондентам.— Эта великая, неисчерпаемая тема. В самую лихую пору войны, когда неприятель штурмовал Сталинград, когда в окруженном Ленинграде люди умирали от голода, когда все преимущества коммуниста заключались лишь в том, что он первым идет в бой и выполняет самые ответственные, самые опасные задания, партия наша росла. Росла, как никогда за всю свою славную историю. Подумайте-ка об этом, товарищи писатели. Всерьез подумайте. Где и когда это бывало? Только у нас, только на советской земле. Об этом не только статьи, об этом песни петь надо.

Член Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковник К. В. Крайнюков вспоминает в своей книге:

«Иван Степанович, будучи по натуре вспыльчивым человеком, порой круто обходился с провинившимися; мог накричать, допустить резкость, по поводу которой сам же потом очень сожалел. Но я не помню случая, чтобы он, поддавшись минутному настроению, смещал бы офицеров с должностей или же ходатайствовал об их замене. Если командующий убеждался, что провинившийся не потерянный человек и может исправиться, то он горой стоял за подчиненного. А вот безвольных, трусливых людей он терпеть не мог...»

Рассказ об этой его черте будет, пожалуй, неполным, если не сказать, что, уча своих подчиненных, он и сам учился у них. Прислушивался к их мнению, советам. Принимая свое решение, он при этом учитывал все дельные советы, которые ему были даны. И еще: вспоминая разговоры с ним в дни войны о событиях, совершившихся на фронте, или читая его интересные мемуары «Записки командующего фронтом», «Сорок пятый», я убеждал-

ся, что Конев никогда не говорит только о себе, но всегда о людях, ему помогавших. О командующих армиями, о командирах дивизий, полков и даже батальонов. В цепкой полководческой памяти его и много лет спустя после того, как отгремели последние залпы второй мировой войны, жили имена и фамилии людей, которые когда-то вместе с ним осуществляли операции и особенно при этом отличились.

АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Артиллерийское наступление. Этого термина не было ни в одном боевом уставе довоенных лет. Он возник в ходе второй мировой войны как обобщение опыта боевых действий Красной Армии.

Маршал Конев всегда придавал артиллерии особое значение. Планируя наступательные операции, он при прорыве вражеской обороны обычно применял артиллерию концентрированными массами.

— Лучше, хорошо разведав оборонительную сеть противника, сразу обрушить на него огонь всех батарей, ошеломить, хоть ненадолго парализовать его мощным артиллерийским ударом, чем, экономя снаряды, размазывать наступление во времени и платить за это ценой многих солдатских жизней,— говорил он своим офицерам еще на Калининском фронте.

И не только говорил, но осуществлял это на деле. Это было его принципом. Уже под Калинином он применил метод массированного артиллерийского удара, когда дивизия Горячева форсировала Волгу по льду. Но более совершенные формы артиллерийского наступления мы видели в последний год войны, в дни, когда силы фронта собирались в ударный кулак за Вислой на Сандомирском плацдарме. Там в войсках фронтов были применены так называемые карты-бланковки. Карты эти представляли собой кусочки жесткой бумаги. На основе ежедневных разведывательных данных на них наносились сведения о проти-

востоящем противнике — огневые точки, доты, дзоты, блиндажи, ходы сообщения, перекрестки дорог, места возможных сосредоточений. Эти карты перед наступлением были розданы по всему участку прорыва, вручены каждому командиру батареи.

По ним командир намечал для себя цели первой и второй очереди. При прорыве на Сандомирском плацдарме мы были свидетелями, как действовал этот прием. Здесь артиллерийское наступление удалось посмотреть в его полной мощи. Цели, выявленные в ходе боя, командир также наносил на карту и поражал своим огнем.

С вечера мы, почти весь наш корреспондентский корпус, заняли места в огромной, добротно построенной графской конюшне, находившейся вблизи от передовой. Толстые каменные стены, узкие, как амбразуры, окна, удобные для наблюдения. Отсюда открывался широкий вид на тщательно укрепленную пойму какой-то небольшой речки. Здесь пахло теплым навозом, а между окон висели живописные портреты знаменитых лошадей и фотографии взятых ими призов.

Конюшня эта уцелела, вероятно, потому, что противник не предполагал, что кто-нибудь может находиться в этом легко обстреливаемом месте на пригорке у самых его позиций.

В пять часов взвилась сигнальная ракета и залпами заговорили средние калибры. Они еще не смолкли, когда под прикрытием огня штурмовые батальоны бросились в атаку и довольно скоро достигли первых траншей неприятеля. Не знаю, может быть, в этом и был замысел командования, но, совершив мощный огневой налет, артиллерия стихла. Очевидно приняв действия передовых батальонов за общее наступление наших войск, противник открыл мощный ответный артиллерийский огонь и тем самым обнаружил все свои огневые средства.

Вот тогда и наступила решающая фаза артиллерийского наступления, подкрепленного бомбовыми ударами авиации. Артиллерия заговорила в полную силу всеми своими калибрами, в пушечный рев вплелись басы артиллерии большой мощности, бившей уже по тылам врага, по местам скопления техники, по дорогам, на которых были обнаружены стягивающиеся к передовой подкрепления. Пикировщики помогали ей с воздуха.

На рассвете, когда начиналось наступление, все кругом окутал густой холодный туман. С неба валили хлопья мокрого снега. Видимость была никудышная. Но благодаря картам-бланковкам орудия били точно. Туман не мешал, а, наоборот, даже облегчал

работу славных наших пушкарей. Маскируя район нашего сосредоточения войск, он ослеплял противника в обороне.

Из-за снега и тумана мы не могли это видеть, но нам объяснили, что артиллерийское наступление все время шло как бы в два приема. Небольшие и средние калибры пробивали бреши во вражеских траншеях, орудия большой мощности и авиация парализовали движение на путях подтягивания резервов и накрывали места расположения этих резервов.

Неприятель, разумеется, не дремал. Ответный огонь был ожесточенным. И все же чувствовалось, что управление у противника дезорганизовано.

Словом, в результате вот такого мощного, концентрированного артиллерийского удара, поддержанного с воздуха, благодаря инициативе и напористости стрелковых частей прорыв был успешно завершен. Когда рассвело, стрелковые части, влившиеся в этот прорыв, отбросили неприятеля так далеко, что и выстрелы-то были еле слышны.

День завязался пасмурный, изморозь оседала на воротниках шинелей. Мы все-таки обошли участок прорыва. Обошли пешком; все было перекопано, переворочено, разбито. Год назад подобное мы видели на разрушенных укреплениях у Корсунь-Шевченковского. В ушах стоял непрерывный звон. Легко было вообразить, каково было противнику, когда на него из оттепельной мглы, из масс падающего снега обрушился стальной вихрь артиллерийского огня. Впрочем, прицельный и умело направленный вихрь.

И вот что самое важное: при прорыве этого очень хорошо укрепленного рубежа наши потери были сравнительно малыми.

— Ну, друзья, видели вы, что такое настоящее артиллерийское наступление? — не без гордости сказал нам командующий артиллерией армии, который разместил свою штаб-квартиру в столь памятной для нас конюшне.— Вот когда бог войны заговорил в полный голос. Видели, слышали?

Да, мы это видели и слышали. Крепкий у него голос, у этого бога войны. Звон в ушах стоял до вечера.

ЛЮБИМЫЙ «КОНЕК» МАРШАЛА КОНЕВА

Рассматривая теперь карты наступательных операций 2-го, а потом 1-го Украинского фронта, отчетливо видишь и еще одну особенность полководческого почерка маршала Конева. Совершив прорыв даже на сравнительно узком участке фронта, он смело вводил в него танковые войска с заданием стремительно двигаться в глубь неприятельской территории, смело действовать на оперативном просторе. Стрелковым же частям, принимавшим, разумеется, активнейшее участие в самом прорыве, штурмовавшим одну за другой полосы вражеской обороны, приказывалось крепить фланги и форсированно наступать по следам танковых армий, заполнять пустоты, образующиеся после того, как проходили танковые армады.

Я беседовал об этом с генералом армии Иваном Ефимовичем Петровым.

Любивший в свободное время подумать над проведенными операциями, он не скупился и на весьма острые суждения.

— Со стороны можно подумать, что наш маршал, как азартный игрок, вгорячах бросает на стол все свои козыри,— говорил он.— А вдруг неприятель контрударом залатает прорыв и танки окажутся, как изволят выражаться наши противники, в мешке? Так это, может быть, и выглядит, если смотреть со стороны. Но мы-то видим не только сцену, мы, штабники, видим кулисы, мы знаем, что происходит за сценой до того, как поднимается занавес. Тут Иван Степанович работает как бух-

галтер. Умело и точно все подсчитывает. Все как есть. И возможности транспорта и снабжения, учитывает даже характер своих командиров и командиров противника. Только когда все рассчитано, расставлено, подвезено, тогда и отдается приказ о наступлении.

Рассказывая, генерал снимает пенсне и протирает его круглые стекла; пенсне придает ему, бывшему рабочему парню, прослужившему в Красной Армии с первых месяцев ее создания, вид кадрового, потомственного офицера.

— Все рассчитано, дорогой мой, рассчитано и расчерчено. И заметьте себе, что ни на 2-м, ни на 1-м Украинском фронтах он при таких рискованных маневрах ни разу не засадил в окружение ни одного корпуса, ни одной дивизии.

Лучшим подтверждением слов маститого военачальника служит бросок с Сандомирского плацдарма на земли Западной Польши, а потом и Германии, начало которого я описал в предыдущей главе.

Операция развивалась молниеносно. Едва саперы успели очистить и отметить вешками пробитые артиллерией проходы, как в них влились две танковые армии — П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко. Оставив позади все, что уцелело от немецких войск после прорыва, оставив за стрелковыми дивизиями и корпусами право занимать, закреплять и очищать занятую территорию и укреплять фланги, двумя потоками устремились эти армии в глубь занятой врагом территории. Одна взяла направление на северо-запад и без больших боев, освободив город Ченстохов, продолжала движение к Одеру, другая развернулась вправо, севернее, в обход большого индустриального города Кельце и быстро овладела им.

В образовавшуюся за спиной этих армий оперативную брешь быстро влились стрелковые соединения, активно участвовавшие в самом прорыве, но, естественно, отстававшие от танкистов. Образовался так называемый «слоеный пирог». По второстепенным дорогам и по лесным опушкам отступали разрозненные немецкие части, а по основным магистралям двигались наши стрелковые дивизии.

А на флангах прорыва, куда немецкое командование подтянуло свежие части из резерва, сняв их с западноевропейского театра военных действий, завязалась ожесточенная борьба. Неприятель пытался подрубить под корень клин, узкой полосой пронзивший его фронт. Но фланги прорыва весьма расчетливо были укреплены стрелковыми частями.

Вскоре, освободив Кельце, армии правого фланга наступления прошли далеко на запад, а армия «левой руки», как принято было говорить в старину, уже рапортовала об освобождении Кракова.

Та же особенность полководческого почерка И. С. Конева проявилась при прорыве немецкого «Восточного вала» на Днепре, в боях с дивизиями неприятельской группы «Юг», которой командовал один из виднейших немецких полководцев — фельдмаршал Манштейн. Так же развивалось наступление после прорыва оборонительной линии на внешнем кольце Корсунь-Шевченковского плацдарма, так же было и в финале войны, завершившейся подлинно молниеносным марш-маневром наших танкистов через чешские Рудные горы на выручку восставшей Праге.

Маршал считает, что танковые рейды в оперативную глубину, в тылах противника — самая эффективная форма наступления.

— Но такой рейд результативен только тогда, когда проводится в тесном взаимодействии всех родов войск — стрелковых, танковых, артиллерийских и авиации,— говорит он. И подчеркивает: — Обязательно авиации, которая должна играть огромную роль и в подавлении опорных точек, и в уничтожении подтягиваемых резервов противника, и, наконец, в сопровождении танковых колонн с воздуха. Без этого прорыв может стать дорогостоящей авантюрой.

Ну а как оценивал эту боевую деятельность маршала противник? Я уже говорил, что войска, которыми командовал Конев, не раз встречались в бою с дивизиями группы «Юг» Манштейна, слывшего в неприятельской армии теоретиком. Конев жестоко бил этого полководца... И вот после войны, взявшись за перо, вспоминая те дни, Манштейн пытается оправдать свои неудачи, взвалить всю вину за поражение на Гитлера, не позаботившегося прислать вовремя подкрепление, которого он, Манштейн, требовал.

Имея в виду Кировоградскую операцию, одну из самых интересных операций, проведенных под командованием Конева на Правобережной Украине, Манштейн пишет:

«В течение октября Степной фронт[1], командование которого было, вероятно, наиболее энергичным, подбрасывало все новые и новые силы на плацдарм, захваченный им южнее Днепра,

---

[1] С 20 октября 1943 г. фронт назывался 2-м Украинским.

между нашими Первой и Двадцать восьмой танковыми армиями. Перед противником, таким образом, открылся путь в глубину Днепровской дуги, на Кривой Рог и тем самым на Никополь, обладание которым Гитлер считал наиболее важным с военной и экономической точек зрения».

С большей выразительностью засвидетельствовал эффективность такого метода наступления немецкий историк второй мировой войны Курт Типпельскирх.

Вот что он пишет о начале наступления войск 1-го Украинского фронта в Висло-Одерской операции, развернувшегося 12 января:

«...Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану. Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск. Последние немедленно ввели в пробитые бреши свои танковые соединения, которые главными силами начали продвигаться к реке Нида, предприняв в то же время северным крылом охватывающий маневр на Кельце».

Другой западногерманский военный историк, Фридрих Меллентин, бывший генерал немецко-фашистской армии, говоря уже об итогах битвы между Вислой и Одером, характеризует наступление 1-го Украинского фронта еще более откровенно:

«Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью. Было ясно, что их Верховное Главнокомандование полностью овладело техникой организации наступления огромных механизированных армий. Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи».

Наиболее блистательный марш-маневр танковых сил Конев осуществил в последний день войны в операции против мощной, более чем миллионной, группировки фельдмаршала Шернера, войска которого не сложили оружия после официальной капитуляции. Шернер в своем приказе по войскам писал:

«Неприятельская пропаганда распространяет ложные слухи

о капитуляции Германии перед союзниками. Предупреждаю войска, что война против Советского Союза будет продолжаться».

И все дивизии Шернера, находившиеся на территории Чехословакии, начали форсированное движение на Прагу с целью продолжить всеми средствами борьбу с Красной Армией.

И вот был разработан план удивительного по стремительности и смелости марш-маневра больших танковых сил. Согласно этому плану, танковые армии Рыбалко и Лелюшенко, выйдя из разных пунктов, должны были на дорогах в чешских Рудных горах догнать дивизии Шернера и, с ходу атаковав их с тыла, стремительно овладеть горными перевалами, выйти на тылы и коммуникации основных сил группы армий «Центр», достичь Праги с двух направлений и как бы прикрыть ее стальным кольцом. Задача могла показаться просто невыполнимой. Но ее удалось блистательно решить, и к десяти часам утра 9 мая 1945 года Прага была очищена от фашистов. Замысел Шернера Советская Армия сорвала, последняя гитлеровская группировка была разгромлена.

В одну из встреч генерал армии Петров подробно изложил мне детали Пражской операции.

— Это было сделано в лучшей коневской манере. Такие операции — любимый «конек» Конева,— сказал он и извинился за этот простодушный каламбур.

КЛЕЩИ

Однажды, рассказывая мне, как наши войска взяли засевшего в городе Калинине противника в клещи, Конев обронил фразу:

— Мы оставили ему единственный выход из города — в направлении на запад. Мы заставили его уйти, можно сказать, вытащили его из города.

— А почему оставили выход? — спросил я.— Зачем нужно было выпускать противника из города?

— Если бы выхода не было и ему некуда было уйти, он дрался бы за каждую улицу, за каждый дом, и ничего от города не осталось бы. Ясно я выразился? Уличные бои дают все преимущества обороняющимся, а в наступлении легче бить врага в полевых условиях, так сказать, наступая ему на пятки, не давая ему остановиться, задержаться.

Признаюсь, что мне, тогда еще недостаточно опытному военному журналисту, эта мысль показалась спорной. Потом я имел возможность наблюдать операции 1-го и 2-го Украинских фронтов и убедился, что, создавая для неприятеля такие ситуации, Конев тем самым очень умело бережет живую силу и по возможности сохраняет города от неизбежного разрушения в затяжных уличных боях.

Сколько было на войне случаев, когда большие, даже огромные массы войск, ввязавшись в длительные уличные бои, теряли свой боевой порыв и надолго застревали на месте, так как им

приходилось «вылущивать» маленькие гарнизоны, засевшие в домах и превращавшие любой подвал кирпичного здания в стойкий и живучий дот. И эта борьба наносила атакующим серьезные потери.

Коневу удалось избежать затяжных уличных боев в битвах за Харьков, за Полтаву, за Кировоград и, наконец, особенно эффективно за Краков. В Кракове располагался большой немецкий гарнизон. Каждая из средневековых построек могла представить собой мощное укрепление. Да к тому же в центре города, на холме, господствующем над окрестностью, была каменная крепость Вавель, стены которой вряд ли мог взять и тяжелый снаряд. Этот красавец город, древняя столица Польши, бывшая резиденция польских королей, каждая улица которого — уникальный архитектурный памятник, сохранен именно потому, что брали его в результате быстрого полуохвата. Угроза окружения парализовала решимость вражеского гарнизона, и он начал поспешно отступать в юго-западном направлении, где еще оставался свободным выход из города.

Очень результативным этот метод оказался и в операции по захвату огромного индустриального района Верхней Силезии, который Гитлер в своих приказах именовал «вторым Руром Германии» и обороне которого он придавал исключительное значение. Однажды в дни наступления в Верхней Силезии мне в необычных условиях удалось поговорить на эту тему с командующим танковой армией, тогда еще генералом, Павлом Семеновичем Рыбалко — одним из выдающихся танковых военачальников Великой Отечественной войны.

Я догнал его на подступах к первому из городов Силезского бассейна. Передовая танковая бригада как раз развернулась, штурмуя укрепления, воздвигнутые вокруг города. Наблюдательный пункт командарма находился на пологом холме, господствующем над окрестностями. Город, пригород и примыкавшие к нему огороды можно было видеть с холма невооруженным глазом. Сам же наблюдательный пункт представлял собой группу из двух танков и нескольких бронетранспортеров; возле них стоял раскладной алюминиевый столик и такой же стул, на котором в темном комбинезоне и сидел командарм, отличавшийся от своих танкистов разве что высокой папахой.

Подошел к нему. Показал телеграфный приказ моего начальства из газеты «Правда» генерала Галактионова — взять у генерала Рыбалко интервью о новой наступательной операции

его армии. Генерал прочел телеграмму и нетерпеливо повернулся ко мне.

— Ну, задавайте ваши вопросы скорее.— При этом он смотрел не на меня, а на поле, где горели два его танка.— Медицина, где, к черту, медицина? Медицину на поле... Чем я занят? Начинаю атаку Силезского района... Точнее, охват. Еще точнее, обходной маневр. Полагаю, полного окружения бассейна не будет, оставим, вероятно, горловину. Для чего? Для ухода противника. Нет-нет, вы не ослышались, для ухода противника. Звучит это, может быть, несколько странно, но командование фронтом, право, задумало операцию именно так. Что осталось бы от красавца Кракова, если бы немец не мог уйти в приготовленную для него брешь? Камни. Только камни. Вы ведь Краков видели после освобождения — почти целехонек. А Силезия — это сгусток промышленных городов. Шахты, бетонные корпуса заводов, стены в метр толщиной. И так сплошь, на десятки километров. Гляньте на карту. Да что карта, вон он, город, смотрите. Перед нами. Для спасения Силезского бассейна командующий приказал мне его не окружать, а охватывать и неожиданно повернул мою армию на Ратибор. Это чертовски трудно было — сделать такой маневр. Но видите, сделали.

Командарм помолчал. Отдал несколько отрывистых приказов.

— Вы убеждены, что Силезский бассейн будет взят быстро и малой кровью? Вы в это верите?

— Что такое «верю — не верю»? Не военный разговор. Приказано взять — возьмем. Ясно, что маршал затеял тут в оперативном смысле очень интересный маневр. А раз задумал — доведет до конца. Всегда так бывало. Ну, желаю здравствовать. Кланяйтесь Москве.

Операция по взятию Силезского бассейна, как теперь уже широко известно из военной истории, была осуществлена быстро, даже быстрее намеченных планом сроков, и весь этот сгусток заводов, фабрик, шахт остался почти целым, он взят был ценою минимальных потерь в людях и технике.

Так оправдывала себя тактика охватов, клещей, широко применявшаяся командованием на всем протяжении от Днепра до Одера.

МЕШКИ

И вот форсирован Одер. Форсирован с ходу, на большом протяжении. И тут войска 1-го Украинского фронта столкнулись с новой тактикой врага. Части противника получили приказ ни при каких обстоятельствах не оставлять укрепленные города. Под угрозой жестоких кар они должны были оставаться в окружении и сражаться до последнего солдата.

Так были окружены города Глогау, Оппельн и крупный город Бреслау, располагавший, по разведывательным данным, многочисленным, хорошо вооруженным гарнизоном. Командующий этими войсками генерал Никгоф, по показаниям пленных офицеров, энергичный, крутой военачальник, получил лично от Гитлера приказ удерживать Бреслау любой ценой и быть готовым в любую минуту ударить по тылам советских войск. Словом, превратить город в «немецкий Сталинград», удержать его любой ценой.

Город был осажден 6-й армией генерала В. А. Глуздовского, которая не превышала по численности гарнизон Бреслау. А войска фронта продолжали наступать на запад, не оглядываясь на оставшуюся у них за спиной весьма внушительную немецкую группировку.

— Не опасно ли, что мы оставляем в своем тылу такие большие города-крепости? Не могут ли их гарнизоны и в самом деле выйти и ударить по нашим тылам? Не многим ли мы рискуем в своем быстром продвижении, имея в тылу столько организованных и боеспособных неприятельских войск? Мне го-

ворили разведчики, что в Бреслау окружено примерно сорок тысяч солдат.

Все эти вопросы я задал маршалу Коневу, встретившись с ним у переправы. Когда машины застряли в образовавшейся на переправе пробке, я взял интервью у маршала.

— Во-первых, уточним: в Бреслау окружено не сорок, а пятьдесят тысяч войск,— отвечал маршал, нетерпеливо посматривая на вереницы машин, теснящихся у спуска к реке.— А во-вторых, новая тактика обороны противника продиктована, вероятно, плачевным положением, сложившимся для него на фронте,— продолжал он, раздельно произнося слова и давая мне возможность записать их.— Противник то ли из-за недостатка времени, то ли от нехватки сил и средств отказался от строительства укрепленных районов и рубежей. Даже здесь, на Одере, мы не дали ему возможности закончить строить сплошные эшелонированные оборонительные рубежи. Бетон дотов даже не застыл: тесто. Вот, по-моему, откуда появилась эта в общем-то, вздорная идея... Но все же надо учитывать, что противник сейчас, во всяком случае на нашем участке, стал делать ставку на укрепленные города. На города-крепости с двойным — внутренним и внешним — обводом, с развитой системой инженерных сооружений. И гарнизоны этих городов получают приказы стоять насмерть. Вы представьте себе, сколько сил, средств потребовалось бы, чтобы, ну, скажем, штурмовать такой город, как Бреслау! В уличных боях мы потеряли бы массу людей и техники.

Командующий нетерпеливо посмотрел на реку:

— Соломахин, скоро там?

— Сейчас, товарищ маршал, вот только госпитальные машины пройдут.

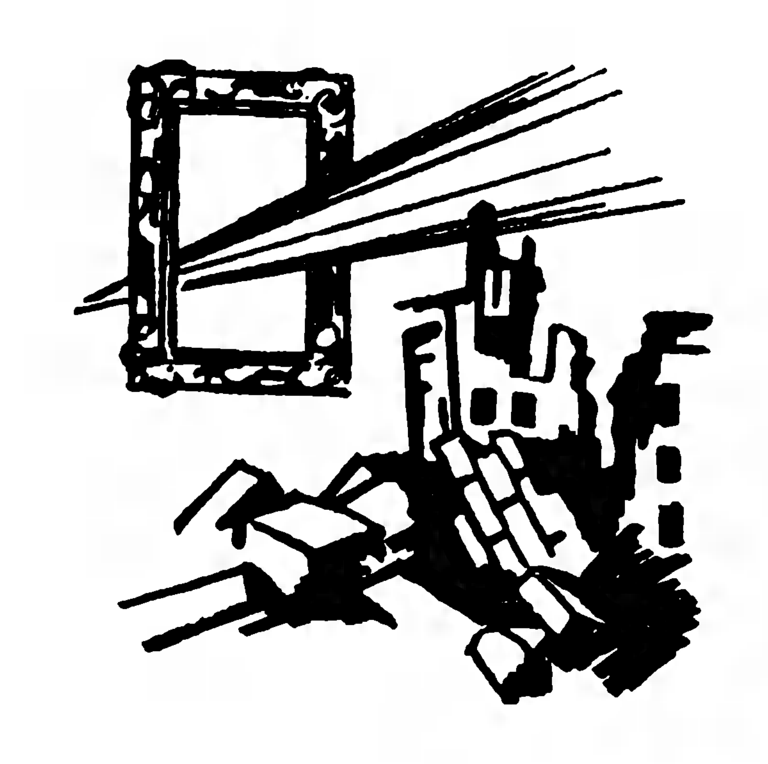
— Так вот, на этот новый яд мы, так сказать, нашли противоядие,— продолжал маршал.— Мы обходим эти города и блокируем их. Гарнизон оказывается как бы в мешке. И мы крепко завязываем этот мешок. Выставив надежный заслон, продолжаем наступление. Практически часть войск противника оказывается выведенной из активной игры. Она нам рук не связывает. Немецкие генералы, конечно, люди опытные, хитрые. Но мы хитрее. А на войне, как вы знаете, хитрый и сильного пересилит. Вот и сейчас они уже обеспокоились, атакуют извне Глуздовского, окружившего Бреслау. Хотят выручить гарнизон. Но ничего не выходит. Мешок-то крепко завязан. Не дадим

развязать. Понятно это вам, товарищ писатель? Смекаете?

— Товарищ командующий, путь очищен.

— Вижу. Интервью считаю законченным.

Так в финале войны против новой тактики, примененной противником в обороне, была использована новая тактика в наступлении.

СВИДАНИЕ С СИКСТИНСКОЙ МАДОННОЙ

Еще в памятную для меня ночь под Калинином Иван Степанович Конев, у которого в ту тяжелую пору было, как говорится, хлопот полон рот, удивил меня интересом к культурным ценностям древнего русского города и заботой о них.

— Прошли мы сегодня с секретарем обкома Иваном Павловичем Бойцовым по улицам,— рассказывал он тогда.— Сердце кровью обливалось, что они сделали с вашим городом. Ваш театр. Он теперь сам похож на декорацию. А Екатерининский путевой дворец, что у Волги, его ведь Матвей Казаков строил. Так? И надо же, взорвали. Чем он им помешал? Это хорошо еще, что мы их быстро изгнали из города...

При штурме Львова артиллеристам был дан приказ по историческому центру города не бить. При освобождении Ченстохова командующий лично направил на самолете двух опытных офицеров-разведчиков с чрезвычайными полномочиями: организовать разминирование церкви Ясногурского монастыря, где хранилась известная католическая святыня — икона божьей матери. Офицеры получили приказ до подхода основных стрелковых частей организовать охрану этой знаменитой иконы. В Кракове вся операция по освобождению города была разработана так, чтобы не дать отступающим минировать и взрывать здания, а артиллеристы получили приказ не бить по зданиям крепости Вавель, хотя это была настоящая и очень мощная для своего, да и для нашего времени крепость.

Когда армии фронта начали бои на землях Саксонии, заботой командующего стал Дрезден, красивейший город на Эльбе.

Конев по альбомам изучал этот город, знал, что в центре его во дворце Цвингер находится знаменитая художественная коллекция, стоящая по своему значению где-то рядом с нашим Эрмитажем, Британским музеем, французским Лувром.

Авиация западных союзников в феврале совершила на Дрезден два гигантских налета. Тысячи самолетов две ночи обрушивали на город бомбы разных калибров.

Разведчики докладывали, что центр города — сплошные руины. Улицы превращены в развалины, почти недоступные для движения транспорта, под руинами погребены многие тысячи трупов, которые с наступлением теплой весенней погоды стали разлагаться.

Дворец Цвингер, который, если судить по художественным репродукциям, выглядел как изысканнейшее каменное кружево, представлял собой сплошную развалину, по которой трудно было даже угадать его контуры.

— А Дрезденская галерея? — спросил Конев.

— Она была эвакуирована и спрятана, по слухам, где-то в горах,— ответил командир разведгруппы, ходившей в город.— Никто не знает где. Говорят, что те, кто ее прятал, были потом уничтожены.

Маршал тотчас же вызвал к телефону командующего 5-й гвардейской армией, в разгранлинию которой входил Дрезден и ближайшие его окрестности, и приказал энергично заняться розысками исчезнувшей галереи.

На следующий день ему доложили, что группа людей во главе с известным московским искусствоведом майором Л. Н. Рабиновичем приступила к розыску картин.

Время было горячее. Все армии фронта находились в наступлении. Но маршал вызвал к себе майора для личного доклада.

— Самое страшное то, что сокровища могут погибнуть от случайной бомбы или снаряда. Тогда человечество не простит нам,— с пафосом, чуть не плача, докладывал майор.— Там Рафаэль, Рубенс, там Брейгель, Дюрер, Л. Кранах.

— У человечества нам не придется просить прощения,— остановил его маршал.— Однако мы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы предотвратить гибель картин. Вам одним это не под силу. Создадим специальную команду. Подключим к делу разведку и седьмой отдел. Будете действовать совместно с ними.— И добавил: — Я вызову из Москвы бригаду искусствоведов.

Прошло несколько дней. Прилетели специалисты во главе

с искусствоведом Натальей Соколовой. Их наскоро переодели в военное. Присвоили им звания. В штабе 5-й гвардейской армии появились странные майоры и подполковники в грубых солдатских шинелях. Маршал продолжал интересоваться ходом поисков. И вот однажды ему доложили, что прибыл майор Рабинович со всей своей командой.

— Пригласите.

Адъютант впустил к нему группу тех самых майоров и подполковников, на которых с улыбкой смотрели боевые офицеры, называя их между собой «ряжеными». Они были так взволнованы, что еле могли связно говорить.

— Дрезденская галерея обнаружена.

— Где?

— Недалеко отсюда. В штольнях каменоломни на Эльбе,— доложил майор.

— Картины целы?

— Мы просмотрели лишь несколько полотен. Больше не успели. Вы же приказали немедленно доложить. Но кажется, в общем-то, целы, хотя сильно попорчены влагой и перепадами температур.

— Спасти можно?

— Если принять экстренные меры.

В тот же день вслед за боевым донесением в Ставку была направлена телеграмма с просьбой выслать на фронт опытнейших реставраторов.

Через час сам командующий стоял уже в каменном распадке, где находились копи. «Как сейчас помню,— напишет он потом,— открывшееся тогда перед нами зрелище. Уходившая в глубь каменоломни железнодорожная ветка, по которой вывозили камень, сохранилась, но выглядела так, будто здесь все давно уже заброшено... Кругом запустение, словно стоишь на худом, давно покинутом деревенском дворе. Все заросло травой, крапивой. Никому и в голову не могло прийти, что здесь спрятано что-то ценное, а тем более знаменитые полотна». Хитро все было замаскировано. Даже вблизи не могло возникнуть никаких подозрений.

Я тоже хорошо помню это первое свидание с шедеврами Дрезденской галереи. Когда, миновав запущенный участок, открыли одну дверь, потом другую, оказались в большой пещере, и оттуда со всех сторон смотрели знакомые по репродукциям лица, изображенные великими мастерами. Мы просто застыли в изумлении. Какое-то волшебное царство, и только.

А у картин, как гномы из древних немецких легенд, тихо двигались ученые с интендантскими погонами.

Они и доложили маршалу в первый его приезд, что, в общем-то, шедевры целы. Но близкие разрывы бомб, сброшенных, вероятно, во время налетов союзников, раскачали камни, своды пещеры. В помещения затекла вода, картины отсырели, покрылись плесенью. Участвовавшая в разговоре искусствовед Наталья Соколова дотронулась носовым платком до поверхности одной из картин, и на платке осталось сырое черное пятно.

— Надо сейчас же все эвакуировать в сухие помещения,— сказал маршал и распорядился отвести для этого летний дворец саксонских королей, оказавшийся совершенно целым.

Любуясь Сикстинской мадонной, которая как бы шагала по облакам в голубом сиянии небес, прижимая к груди очаровательного малыша, маршал пришел к неожиданному решению:

— Знаете что, отберите десять наиболее ценных полотен, я их отправлю в Москву для немедленной реставрации. Самолетом.

Эта мысль, к его удивлению, повергла Соколову в совершенный ужас.

— Сикстинскую мадонну самолетом? Бог с вами, товарищ командующий. А если самолет упадет?

— Это отличный самолет. Мой самолет. Опытнейший экипаж. Во фронтовой зоне дадим воздушную охрану. Я сам на этом самолете летаю.

— Но вы же маршал, а она мадонна,— совершенно искренне произнесла Соколова.

Маршал рассмеялся:

— Что верно, то верно. Разница кое-какая есть.

Разговор этот стал достоянием штаба. Отныне, когда речь заходила о каком-либо невыполнимом поручении, разводя руками отвечали: «Я же маршал, а не мадонна».

Через несколько дней командующему доложили, что в подземелье замка Кёнигштейн на Эльбе найдена ювелирная коллекция саксонских королей, богатейшее собрание предметов искусства из золота, платины, серебра, драгоценных и полудрагоценных камней. Это случилось уже после капитуляции Германии и освобождения Праги. Я с корреспондентом «Комсомольской правды» Сергеем Крушинским был приглашен маршалом посмотреть находку, обнаруженную при весьма любопытных обстоятельствах.

В Кёнигштейне, неприступном замке, увенчивающем высо-

кую гору, находились в заключении пленные французские генералы. Когда немецкий гарнизон крепости капитулировал, пленных освободили. Один из них доложил занявшему крепость подполковнику Штыкову, что по ночам сюда приезжали закрытые машины и эсэсовцы сносили в замковое подземелье какие-то тяжелые ящики. Подполковник вызвал саперов. Под землей на большой глубине они отыскали замурованный ход в камеру. Здесь и нашли ящики, в которых оказалась коллекция, известная всему миру искусств под названием «Зеленого свода».

Вот эту знаменитую коллекцию мы и ехали смотреть в машине маршала. Когда въехали в Дрезден, увидели, что от красот города не осталось ничего. Груды камня, кирпича, бесформенные и безобразные, громоздились одна возле другой, и трудно было даже представить, что здесь стояли дворцы, музеи, соборы.

И сразу как бы померк великолепный весенний день. Из царства буйной зелени мы попали в царство смерти. Проезды между развалинами не были расчищены. Машинам пришлось сбавить ход, и страшный смрад сразу окутал нас. Смрад тления.

— Жители утверждают, что в подвалах, под развалинами полтораста, а может быть, двести тысяч человек похоронены,— сказал шофер Губатенко, молчаливый донской казак, возивший Конева всю войну.

— Это верно. Дрезден считался открытым городом,— поддержал ехавший вместе с нами искусствовед, хорошо знавший Германию. Ему, кстати, и принадлежала честь отыскания коллекции «Зеленого свода».— Открытый город. Поэтому сюда со всей Германии съезжались, спасаясь от бомбежек, женщины и дети. Их размещали в общественных зданиях, в подвалах, бомбоубежищах.

— А я вот все думаю и никак не могу понять, зачем эти бомбежки союзникам понадобились,— говорит, обернувшись к нам с переднего сиденья, командующий.— Для чего? С какой целью? Разгранлинии наступления были четко прочерчены в Тегеране и уточнены в Ялте. Наступали мы, как помните, неплохо. Помощи не требовали. Да и не им, а нам предстояло штурмовать Дрезден. И вдруг вот эти налеты на открытый город! Самые большие налеты, сделанные ими за всю войну. Возмездие? Так зачем же бить по открытому городу? С военной точки зрения это полная нелепость. С точки зрения общечеловеческой — варварство. Да, у этих руин есть над чем призадуматься.

Когда машины наконец пробрались через разбомбленный

центр в совершенно сохранившийся район богатых особняков, а затем вышли на знакомую уже нам дорогу, лежавшую понад Эльбой, все вздохнули свободно. Легкие жадно хватали воздух, напоенный соками влажной земли, свежей сыростью эльбинской поймы. Сады буйно цвели за невысокими решетчатыми заборами, и не было им никакого дела до только что отшумевшей страшной войны.

Казалось, война обошла этот край. Впрочем, это почти так и было. Тут все осталось цело, и лишь белые простыни, свешивающиеся с балконов, с окон, напоминали о состоявшейся капитуляции.

По пути наш искусствовед рассказал нам о Кёнигштейне, этом замке-крепости, где были отысканы сокровища. Машины приближались к знакомому памятному распадку, в котором совсем недавно хранились сокровища Дрезденской галереи.

— Может быть, остановимся поглядеть?

— Там уже нечего глядеть,— усмехнулся командующий.— Все картины теперь в надежном месте, стоят на просушке, и над ними колдуют лучшие реставраторы Москвы и Ленинграда... А ведь что там ни говори, вовремя мы освободили мадонну Сикстинскую,— продолжал он.— Мне доложили, что сырость сильно попортила почти все картины, что на иных краски отстают от полотна... Ну теперь-то они в верных руках. Мы с Иваном Ефимовичем Петровым, когда выпадет свободный час, ездим их смотреть. Любуемся. Иван Ефимович, кстати говоря, большой любитель и ценитель живописи. С ним интересно. И справочника не надо.

— Это точно. А знаете, товарищ маршал, такого трофея, как у нас, у союзников нет. Говорят, они захватили все золото рейхсбанка. Но ни за какое золото таких картин не купишь,— рассуждал искусствовед.— Это будет достойной компенсацией за музеи, картинные галереи, дворцы, которые гитлеровцы разграбили и разрушили у нас.

Конев вновь поворачивается к нам с переднего сиденья и сурово смотрит на офицера, высказавшего такое предположение.

— Вы так полагаете? — строго спрашивает он.— А я вот уверен, что правительство наше на это не пойдет. Хотя, вероятно, это было бы справедливо.

— Но ведь немцы сколько всего у нас награбили? Сколько наших национальных ценностей из-за них погибло?

— Не немцы вообще, а гитлеровцы. А мы не можем поступать, как они.

— Но позвольте, товарищ маршал, а Наполеон? Он ведь, отступая, тащил с собой сокровища Московского Кремля на двадцати пяти подводах. И, убедившись, что не дотащит, утопил в каком-то озере. А англичане? Сколько они всего награбили для своего Британского музея! Я ведь эти коллекции знаю. Даже мумии из могил крали.

— Вот именно. Награбили, нагребли, накрали... Мы советские воины, а не наполеоновские вояки и не английские империалисты,— раздельно, будто диктуя, говорил маршал.— Понятно это вам, товарищ подполковник?

Конев произносит последние фразы строго, безапелляционно.

Все эти ученые люди в нескладных шинелях, реставраторы, работающие над спасением и восстановлением полотен и скульптур, откровенно мечтали и даже не только мечтали, а мысленно уже размещали сокровища галереи в музеях Москвы, Ленинграда, Киева, Минска. Даже спорили при нас между собой, где что лучше смотреться будет. И честно говоря, мы с Крушинским разделяли их взгляды.

— Конечно, казалось бы, справедливо все это забрать, чтобы, как говорят у нас на Вологодчине, тот, кто по шерсть пошел, вернулся бы стриженым. Долг платежом красен,— раздумывает вслух Конев.— Но все это принадлежит не Гитлеру, а немецкому народу. Ведь гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается. Немецкий народ вечен. Вы что ж, забыли? Правильные, очень правильные слова...

Годы спустя, прочитав решение Советского правительства о возвращении Дрезденской галереи, я вспомнил эти слова Конева. Была возвращена ее хозяину, немецкому народу, и сокровищница саксонских королей, найденная тогда в замурованных подвалах Кёнигштейна. Теперь и коллекция «Зеленого свода» выставлена в Дрездене, в специально реставрированном для нее дворце-музее.

Вспоминая об этом, невольно думаю: как же правильно рассуждал этот дальновидный человек!

У СТЕН БЕРЛИНА

И наконец, маршал Конев в самый острый момент боев за Берлин.

То, о чем мечтали четыре тяжких года все мы, советские люди, свершилось. Армии 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Г. К. Жукова атаковали Берлин с северо-востока и уже вели бои на его окраинах. Армии 1-го Украинского фронта под командованием И. С. Конева обошли Берлин с юга и готовились атаковать гитлеровскую столицу с запада.

Двадцать третьего апреля я пришел к начальнику штаба фронта генералу И. Е. Петрову и, пользуясь его добрым ко мне отношением, спросил: куда бы мне было лучше поехать сейчас, чтобы подготовить корреспонденцию о решающих боях?

— К Берлину, дорогой мой, именно к Берлину. С юго-запада, разумеется. Рыбалко доложил, что он вышел на Тельтов-канал вот здесь.— Он указал рукой на карте.— Это уже Берлин. Отметьте-ка себе это место. Напишите оттуда корреспонденцию и шикарно задатируйте ее: двадцать третье апреля, восемнадцать ноль-ноль, город Берлин.— Он улыбнулся.— Знаю я повадки вашего брата. Знаком мне этот ваш корреспондентский форс.

Часа через полтора я был уже в городе Тельтов, забитом в ту пору нашей боевой техникой — танками, бронетранспортерами, парками мостовиков с их сложным хозяйством, массив-

ными фермами и понтонами. Все это теснилось на узких улицах незамаскированное, ибо небо было надежно прикрыто нашими истребителями. Немецкая же авиация в тот день действовала только на дорогах.

Очень хотелось поскорее взглянуть на Берлин. Он был рядом, рукой подать,— за Тельтов-каналом. Какой-то командир посоветовал подняться на крышу «небоскреба».

— Небоскреба?

— Ну да, есть тут такой долговязый домина. На самом канале. Там у летчиков пункт наведения. Он у немцев, конечно, на прицеле, этот домина, да сейчас им, видать, не до этого. Опасно, конечно, зато оттуда Берлин как на ладони. До самого центра видно.

Поднялись и мы с корреспондентом «Комсомолки» Сергеем Крушинским. Плоская крыша, пересеченная целой гребенкой труб, а под защитой этих труб устроил пункт наведения командир гвардейского бомбардировочного корпуса. Но и оттуда ничего не было видно. Город тонул в серой весенней мгле, и, лишь когда луне удавалось выглянуть сквозь быстро проносящиеся облака из серого месива туч, ненадолго показывались контуры улиц, подсвеченные заревом пожарищ.

Уже под утро я уснул, завернувшись в какой-то принесенный из здания ковер, а проснулся от суеты, которая вдруг поднялась на крыше. Что такое? Обстрел? Нет. На крыше «небоскреба» появились маршал Конев, командарм Рыбалко и сопровождающие их офицеры. Ясно стало: Конев, по своему обыкновению, организует НП, что называется, на самом пороге Берлина.

— А вы уже здесь? — удивился командующий, поздоровавшись.

Немецкие наблюдатели там, на той стороне канала, вероятно, засекли оживление, наступившее на крыше. Затрещал пулемет. Целый веер пуль полоснул по трубам, завязалась артиллерийская дуэль. Под визг пуль, рикошетировавших о крышу, командующий что-то говорил Рыбалко и другим генералам, что-то показывал им на расстеленной прямо по крыше карте, сердито беседовал по телефону. Словом, работал. А между тем поднявшееся солнце расплавило туман, и в розоватом свете его лучей сверху открылась панорама Берлина — черный канал, липнущие к нему массивные здания завода или склада, а дальше улицы, площади, шпили кирх, руины домов. И все это заволоченное дымом пожаров.

Опять вспомнились слова Конева, сказанные там, под Кали-

нином, когда у меня появилась идея написать очерк о нем самом. Вспомнилось, как резко перечеркнул он ту мою задумку: «Вот возьмем Берлин, тогда, пожалуйста, пишите.— И добавил: — Если мы к тому времени живы будем».

«Возьмем Берлин!» — это он сказал, когда до Берлина было почти две тысячи километров. А до Москвы — рукой подать. Теперь Берлин хорошо виден с крыши этого долговязого домины.

Маршал стоит у парапета с биноклем. Не знаю, доводилось ли ему когда-нибудь с такой удобной позиции обозревать сразу передовые части своего фронта. Утро завязалось ясное. Дымка была лишь под городом. А над Германией — голубое небо. Отсюда, с крыши, на левом фланге вдали просматривались даже контуры какого-то города, вероятно Потсдама, где сейчас бились танкисты славного генерала Лелюшенко, а справа, за черепичными крышами Тельтова, можно было видеть части другого фланга, которые где-то тут, у окраины Берлина, начнут свое движение на соединение с левым флангом 1-го Белорусского фронта, чтобы завершить окружение. Окружение главной цитадели нацизма.

Приходилось ли кому-нибудь из военачальников этой или другой войны решать более сложную, более важную задачу, чем та, которую предстоит сейчас решать Маршалам Советского Союза Г. К. Жукову и И. С. Коневу в этом сражении, втянувшем в себя несколько миллионов солдат, десятки тысяч орудий, танков, самолетов?

А между тем лицо Конева спокойно. И вот опять из-за канала послали очередь, где-то у самых ног маршала цвиркнула пуля и, взвизгнув, отрикошетила, или, как говорят солдаты, ушла за молоком. Он только посмотрел в ее сторону и продолжал телефонный разговор с командармом Лелюшенко, передавая какой-то приказ, связанный с боями в районе Потсдама. Выбрав свободную минуту, я спросил командующего, что он думает о предстоящих боях за Берлин.

— Тяжелые будут бои. Очень тяжелые. Отступать им некуда, будут стоять насмерть. А они воевать умеют. Противник серьезный.

Я вопросительно посмотрел на маршала.

— Тяжелый город,— продолжал командующий, задумчиво глядя на окутанный дымами пожаров Берлин.— Постройки-то крепостной толщины. Их и средним калибром не возьмешь. А реки, речки, каналы! Вон их сколько! И все в гранит одеты. Эти гранитные шубы разве что для тяжелой авиабомбы. А метро!

Дом за домом брать придется.— И, подумав, добавил: — Зато возьмем — и конец войне.

Отойдя в сторону, я сейчас же записал эти его слова. Интересно же будет узнать потомкам, что думал в решающую минуту перед началом штурма неприятельской столицы полководец, прошедший со своими частями от Москвы до Берлина.

А потом началось сражение, и можно было тут же оценить справедливость недавно произнесенных слов. Первый период боя за Тельтов-канал стоил многих жертв, ибо каждую огневую точку пришлось подавлять массированным огнем и каждый дом на берегу канала, заводские здания, склады, штабеля сложенного в баррикады тесаного камня — все это превращалось в редуты. Впервые за всю войну я видел, как солдаты в черных мундирах и резиновых плащах войск СС шли в атаку в полный рост, словно каппелевские офицеры в фильме «Чапаев». Много их полегло. Зато штурмовые батальоны 22-й мотострелковой бригады имели уже несомненный успех. Под непрерывным огнем артиллерии солдаты на лодках, на бревнах, на каких-то ящиках переплывали канал, перебирались по фермам взорванного моста.

В эту минуту я посмотрел на командующего. Его круглое лицо хранило растроганное выражение, а голубые глаза были влажными. Хотел спросить, что он думает в эту минуту, но он резко отвернулся.

— Потом, потом...— Но тут же добавил: — Заметьте, красный флаг уже в Берлине!

И действительно, там, за каналом, ветер шевелил красный флаг, привязанный к какой-то железной ферме.

В десять часов тридцать минут пришло донесение, что части армии Рыбалко, продолжая наступление в северном и восточном направлениях, уже соединились с армией 1-го Белорусского фронта. Командующий, обращаясь к нам, сказал:

— Запомните, двадцать четвертое апреля.— Он был строг и деловит, наш командующий.

— А что думает сейчас командующий одного из фронтов, окруживших Берлин?

— Потом, потом. Сейчас воевать надо.

Свою корреспонденцию об этом дне, которую я написал на крыше здания, условно именовавшегося небоскребом, корреспонденцию о прорыве в Берлин первых частей 1-го Украинского фронта, я так и датировал: «Двадцать четвертого апреля, Берлин».

ВЕЧНЫЙ ИСТОЧНИК БОДРОСТИ

Эту книгу я закончил в дни, когда отмечали семидесятипятилетие славного полководца.

Но столь почтенный свой юбилей маршал встретил совсем не по-стариковски. Он был полон энергии, забот, замыслов.

По окончании войны он занимал ряд крупных военных постов, на которых талантливо, творчески применял огромный опыт своей более чем полувековой службы в Советской Армии.

После войны И. С. Конев был главнокомандующим Центральной группой советских войск в Австрии, где ему приходилось совмещать дела военные с делами дипломатическими.

Затем он командует Сухопутными войсками Советской Армии и на этом посту много и плодотворно трудится над изучением и обобщением опыта войны, над закреплением его в новых уставах.

Служит главным инспектором Советской Армии.

Командует войсками Прикарпатского военного округа.

Является первым заместителем министра обороны СССР.

Пять лет, с 1955 до 1960 года, он главнокомандующий Объединенными Вооруженными Силами стран Варшавского Договора.

И в ходе всей этой деятельности Конев не раз в острейших международных ситуациях выполняет ответственные задания партии и правительства.

Как и в дни войны, он продолжал оставаться полководцем с

комиссарской душой — энергичным, инициативным, волевым и очень внимательным ко всему, что касается дел человеческих.

Большую военную работу Иван Степанович умело сочетал с активным участием в партийной и общественной жизни страны. Он делегат многих партийных съездов. На XVIII партсъезде избирается кандидатом в члены ЦК КПСС, на XIX, XX, XXII, XXIII и XXIV съездах — членом Центрального Комитета партии.

Он депутат Верховного Совета всех созывов.

И на всех своих постах активен, инициативен, неутомим.

Особое внимание И. С. Конев уделял молодежи.

— Будущее страны и будущее армии в руках молодежи,— говорил он и, по обыкновению своему, сдабривал речь народной мудростью, добавлял: — Хороший урожай начинается с семян.

В помещении Центрального Комитета комсомола у него был свой постоянный кабинет. Он бессменный руководитель штаба патриотических комсомольских походов, в которых сам принимал участие.

Однажды мне довелось побывать у него сразу же после того, как он вернулся из одного такого комсомольского похода. Я ожидал увидеть усталого, утомленного человека. Шутка ли, в такие годы отгрохать на вездеходе по бездорожью сотни две километров, участвовать в разборах, целыми днями иметь дело с шумной, любопытной, задиристой публикой! Ничуть не бывало. Я увидел перед собой загорелого бодрого человека с молодым блеском в глазах.

— Вот кое-кто ворчит: молодежь, молодежь. Такая-то она и эдакая-то. Не в нас, мол, растет, не то у нее на уме. Слышали такое брюзжание? Чепуха! Мы, солдаты гражданской и Великой Отечественной войн, с гордостью можем сказать, что смена у нас растет замечательная и что есть у нас кому передавать дела.

Таким встретил свое семидесятипятилетие Иван Степанович Конев — славный советский полководец и настоящий коммунист.

В день юбилея маршала я снова вспомнил, как когда-то его старый друг Александр Фадеев, шагая по заметенной снегом прифронтовой стежке, говорил нам, военным корреспондентам:

— Если хотите видеть образец советского военачальника,

смотрите на своего командующего: настоящая военная косточка.— И спустя малое время, добавил: — Советская военная косточка,— подчеркнув при этом слово советская.

А у солдат, которые уважали и любили своего командующего, у его подчиненных было для него народное прозвище: «маршал-солдат».

Это прозвище звучит как высокое народное признание его полководческих и человеческих заслуг, как его человеческая характеристика.

ПОСТСКРИПТУМ

Ну вот и сбылась моя давняя мечта: я написал книгу о И. С. Коневе, мечта, жившая во мне с первого года войны.

Это была война, каких не знало человечество. И победа над силами фашизма, собранными Гитлером под своими черными знаменами, была величайшей из всех побед, какие когда-либо одерживало человечество.

Мы знаем и уважаем героев патриотических войн прошлого, защищавших Русь и разбивавших орды захватчиков. Мы с почтением произносим имя Александра Невского. Мы отдаем дань уважения Козьме Минину, Дмитрию Пожарскому. Мы знаем и с благодарностью вспоминаем Александра Суворова, Михаила Кутузова, плеяду полководцев Отечественной войны 1812 года — Багратиона, Раевского, Барклая де Толли. Все они увековечены в народных легендах, песнях, в литературе и искусстве.

Их имена мы бережно пронесли через столетия. И новые поколения с гордостью узнают о подвигах своих предков через призму этих имен.

А вот полководцев Великой Отечественной войны мы знаем все-таки мало, больше по историческим книгам и документам, хотя война, в которой они по велению партии победно вели свои войска, была самой большой войной в истории человечества. В войне этой Советская Армия спасала и спасла не только свое Отечество, но и весь мир от самой страшной опасности, которая когда-либо угрожала Человеку.

Имена наших прославленных полководцев еще найдут достойное отражение не только в истории, но и в искусстве, в литературе. И если историки — и дома и за рубежом — уже отдают дань уважения личностям советских военачальников, их полководческому дару, то литература, кино, драматургия, изобразительные искусства у них пока еще в долгу.

Кончив эту книгу, я рад, что посвятил свой скромный труд одному из плеяды славных героев Великой Отечественной войны.

СОДЕРЖАНИЕ

Для старшего школьного возраста

Борис Николаевич Полевой

ПОЛКОВОДЕЦ

Биографическая повесть

ИБ № 5863

Ответственный редактор
И. И. Прусаков

Художественный редактор
Г. Ф. Ордынский

Технический редактор
Е. В. Пальмова

Корректоры
Л. А. Лазарева
и *Л. Г. Петроченко*

Сдано в набор 14.01.81. Подписано к печати 15.12.81. Формат $60\times84^1/_{16}$. Бум. типогр. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,44. Усл.-кр. отт. 8,84. Уч.-изд. л. 5,4+8 вкл. = 6,19. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4086. Цена 40 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

Scan, DJVU: Tiger, 2013

Полевой Б. Н.

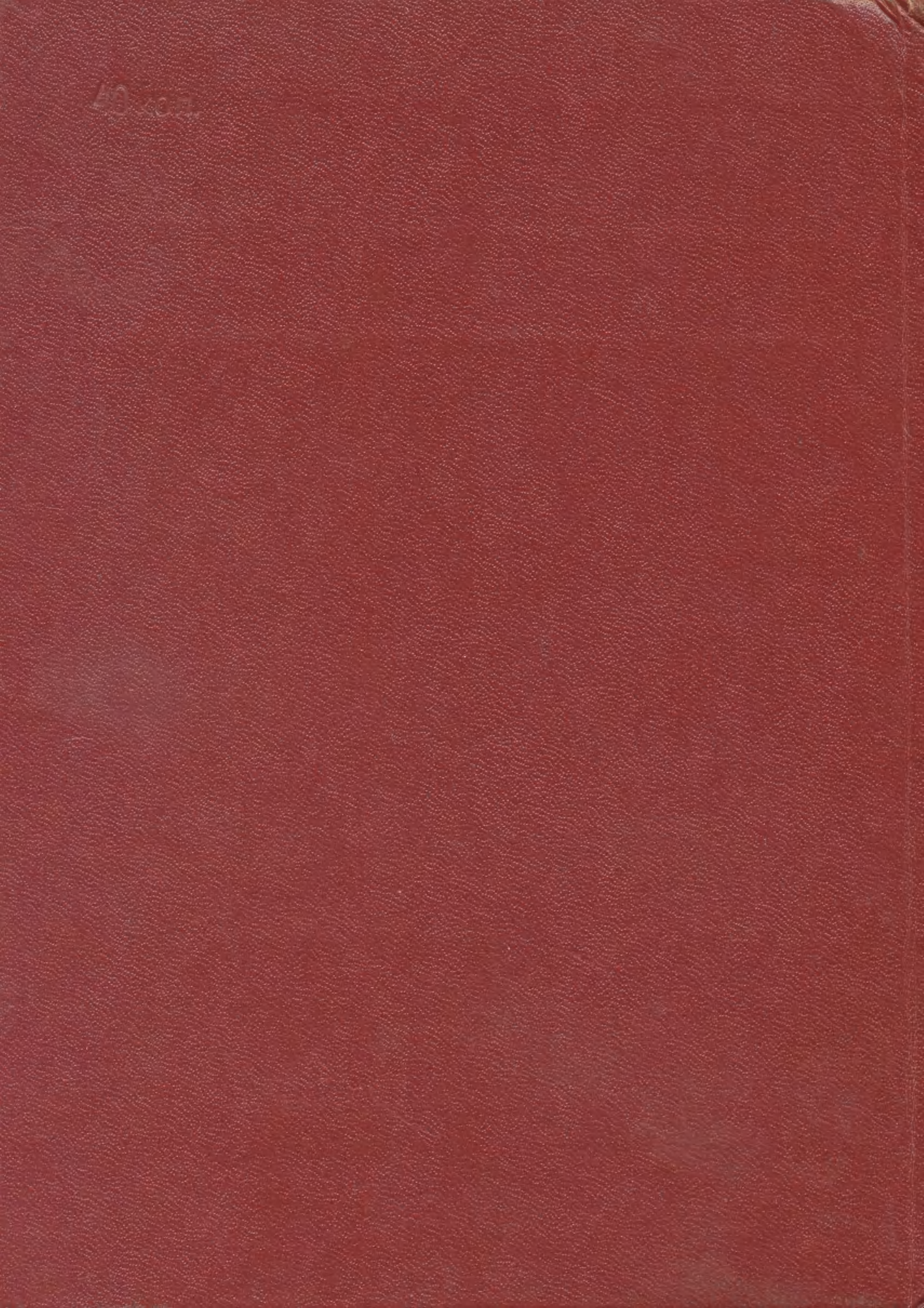
П49 Полководец: Биографическая повесть.— М.: Дет. лит., 1982.—110 с., ил.— (Военная библиотека школьника.)

В пер.: 40 к.

Книга рассказывает о выдающемся советском полководце, активном участнике гражданской и Великой Отечественной войн Маршале Советского Союза Иване Степановиче Коневе.

П $\frac{4803010102-066}{М101(03)82}$ 252—82 Р2

40 коп.